This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

2 517

468-8-12.

235 6—1

13589

СЕМИМѢСЯЧНЫЙ ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРІИ.

А. Татаринова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ И СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ БУХАРІИ.

Кн. 6—8—12

М. А. ДЕЛЬВИГ СССР

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостинный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.

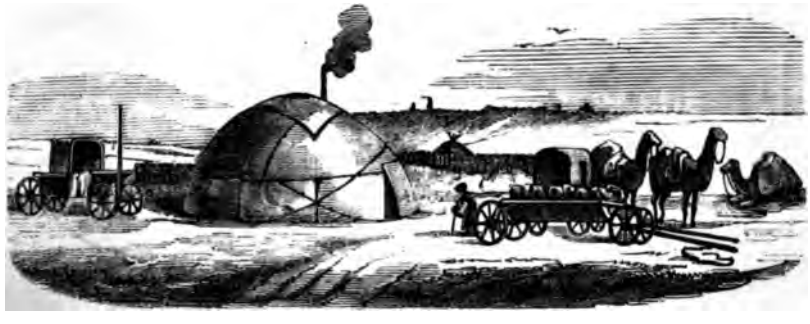
1867.

СЕМИМѢСЯЧНЫЙ

ПЛѢНЪ ВЪ БУХАРІИ.

А. Татаринова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ И СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ БУХАРІИ.



ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.

1867.

благопріятныхъ обстоятельствахъ. Самолюбіе азіятскаго деспота, человѣка гордаго, надменнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне невѣжественнаго, было уязвлено: посольство его не пропущено въ Петербургъ, караваны и купцы остановлены, и, наконецъ, русскія войска подошли къ границѣ его владѣній. Военныя дѣйствія, начавшіяся вслѣдствіе нашего задержанія, не отозвались на насъ тяжело. но въ случаѣ неуспѣха, который всегда возможенъ, наше положеніе было бы весьма печально, и насъ ожидала бы или позорная смерть, или обращеніе въ мусульманство, что, пожалуй, хуже смерти. Только ирджарская битва, это геройское дѣло, гдѣ небольшой нашъ отрядъ, въ 2,000 человѣкъ, уничтожилъ совершенно 70,000-ю армію эмира, вырвала насъ изъ томительнаго плѣна.

Представляя на судъ публики описаніе пребыванія въ Бухаріи, я счелъ долгомъ коротко разсказать о путешествіи изъ Оренбурга до Ташкента, полагая, что степи еще мало извѣстны, слѣдовательно, и короткія мои свѣдѣнія, можетъ быть, возбудятъ въ комъ-нибудь интересъ. Въ предлагаемомъ описаніи читатель не найдетъ ни наблюденій надъ нравами жителей, ни свѣдѣній о торговлѣ и военныхъ силахъ и проч. Находясь три мѣсяца въ Бухарѣ и не имѣя возможности выйти со двора, служившаго мѣстомъ

нашего заключенія; не видя никого, кто бы могъ сообщить намъ что-нибудь; будучи три мѣсяца въ Самаркандѣ, гдѣ нашъ дворъ былъ постоянно на замкѣ, и постоянно торчали денные и ночные часовые, я могу повѣствовать только о томъ, что было доступно для меня, т. е. о путешествіи впередъ и обратно, и о самой жизни взаперти въ бухарскихъ городахъ.

Лишенный возможности писать во время плѣна, я пишу то, что сохранила мнѣ память. Многія детали исчезли, но все, что сильно запечатлѣлось во мнѣ, я старался передать какъ можно полнѣе.

А. Татариновъ.

Путешествіе изъ Оренбурга до Ташкента.

—

Дорога изъ Оренбурга не представляетъ никакихъ особенностей, сохраняя общій типъ русской ѣзды, т. е. естественныя дороги, впрочемъ весьма хорошія, опрятныя станціи въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ и безумно-скорую ѣзду. Отроги Урала, Губерлинскія горы, довольно высоки и каменисты; на вершинѣ ихъ на самой дорогѣ течетъ ключъ, и на мѣстѣ истока ключа поставленъ памятникъ, исторію котораго я не могъ узнать. Сперва мнѣ объяснили, что бывшій генералъ-губернаторъ Катенинъ напился изъ этого источника воды, почему и воздвигнутъ былъ памятникъ; потомъ сказали, что этотъ разсказъ не справедливъ, но не замѣнили его другимъ. Орскъ — небольшое и не изящно выстроенное мѣстечко, переименованное, при раздробленіи Оренбургской губерніи на Оренбургскую и Уфимскую, въ уѣздный городъ первой. Здѣсь нужно было на нѣсколько часовъ остановиться, чтобъ приготовить для моей телѣги запасныя оси и деготь.

Для ѣдущихъ въ степь имѣется особая станція, и живущій въ городѣ провіантскій чиновникъ выдаетъ свидѣтельство о выѣздѣ, по которому, со дня выдачи его, военные офицеры получаютъ усиленные оклады. Я не былъ у чиновника, не взялъ свидѣтельства и даже не заѣзжалъ на степную станцію, а приказалъ привести лошадей на почтовую, гдѣ я остановился.

Рѣка Уралъ подъ Орскомъ служитъ гранью Европы отъ Азіи, поэтому Орскъ уже въ Азіи. За Орскомъ уже другая ѣзда, нѣсколько тише; природа мертва и печальна; на дорогѣ, вмѣсто станціонныхъ домовъ, выстроены какіе-то глиняные ящики, темные, смрадные, тѣсные. Меблировка состоитъ изъ одного стола, къ которому припечатаны тетради для записки жалобъ, и одного табурета. Послѣ нѣсколькихъ такихъ станцій является Карабутакъ — укрѣпленіе, выстроенное на возвышенномъ мѣстѣ и состоящее изъ небольшаго числа домовъ. Какъ военный постъ, Карабутакъ уже утратилъ свое значеніе, потому что степь совершенно спокойна и безопасна; какъ колонія, которая бы имѣла благотворное вліяніе на кочевой народъ, она не имѣетъ значенія. Водворенные, противъ ихъ желанія, казаки ничѣмъ не занимаются и все необходимое для жизни выписываютъ изъ Орска, начиная съ ржаной муки.

Отъ Карабутака до Уральскаго укрѣпленія уже нѣтъ ящиковъ, а вмѣсто станціонныхъ домовъ стоятъ юрты, бо́льшею частію грязныя и оборванныя.

Уральское укрѣпленіе стоитъ за р. Иргизомъ. Рѣка рѣзко разграничиваетъ Каракумъ—это песчаное, безконечное море, которое тянется отъ востока къ западу между озеромъ Балкашъ и Аральскимъ моремъ и отъ сѣвера къ югу отъ р. Иргизъ до Сыръ-Дарьи. За Сыръ-Дарьей опять пески Кызылъ-Кумъ, которые уходятъ въ предѣлы Хивы и Бухары.

Каракумъ представляетъ безотрадную пустыню, безъ всякой растительности, безъ всякаго слѣда жизни; песчаные бугры, называемые барханами, слегка взволновываютъ ровную, безграничную площадь, которая съ запада окоймлена Мугаджарскими горами, послѣднимъ южнымъ отрогомъ Урала. Вырытые на дорогѣ колодцы съ скверною водою, всегда солоноватою, служатъ для утоленія жажды путешественниковъ и не бываютъ достаточны для большихъ каравановъ. Дорога доходитъ до Аральскаго моря, которое остается не вдалекѣ на западъ, а тамъ поворачиваетъ на юго-востокъ, идя правымъ берегомъ Сыръ-Дарьи, которая не показывается до форта № 1. Между Уральскимъ укрѣпленіемъ и фортомъ № 1 начинается Туркестанская область, на которую обращено въ настоящее время вниманіе всей Россіи. Казала, или фортъ № 1, состоитъ изъ крѣпости, въ которой выстроены казенныя зданія, гдѣ живетъ комендантъ и всѣ служащіе въ фортѣ и гдѣ помѣщается управленіе Аральской флотиліи; слободка внѣ крѣпости занята жителями, во-

дворенными казаками: въ слободѣ есть большая площадь, лавки и много кабаковъ, даже выстроена, въ настоящее врема, гостиница. Въ Казалѣ непривыкшій глазъ поражается тѣмъ, что земля, домы, заборы, крѣпость, внутренность домовъ, все имѣетъ одинъ цвѣтъ, потому что все создано изъ одного матеріала—глины.

Здѣсь кончались станціи, не было никакихъ лошадей, не существовало даже того жалкаго подобія почты, какое есть отъ Орска до форта № 1. Я выѣхалъ изъ Оренбурга на другой день по полученіи тамъ извѣстія о взятіи Ташкента, и хотя форты № 1, № 2, Перовскій и Джулекъ давно уже выстроены, но между ними не было никакого сообщенія, почту отправляли на верховой лошади или на верблюдѣ, а проѣзжающіе по казенной надобности должны или покупать лошадей или нанимать, что трудно было сдѣлать: или же, если они принадлежали къ высшимъ лицамъ управленія, то получали казачьихъ лошадей, платя за нихъ прогонныя деньги по 1½ коп. на лошадь съ версты. Теперь устроено болѣе правильное сообщеніе, хотя оно далеко не совершенно. Почта ходитъ три раза въ мѣсяцъ, то на лошадяхъ, то на верблюдахъ, то на быкахъ. Проѣзжающій долженъ имѣть непремѣнно собственный экипажъ и экипажъ прочно сдѣланный, потому что если онъ сломается, то починить его негдѣ; телѣги на станціяхъ всегда имеются, а хомутовъ, уздъ и возжей по сю пору [redacted] а [redacted] и есть, то въ

такомъ состояніи, что на лошадяхъ, пугающихся стука колесъ экипажа, и при ямщикахъ, не умѣющихъ сидѣть на козлахъ, можно рисковать жизнью.

Когда я ѣхалъ въ передній путь, то, какъ я замѣтилъ, и этихъ почтъ еще не было, поэтому нужно было обратиться къ любезности комендантовъ. Комендanты всѣхъ фортовъ отличаются своей любезностью. Не знаю, назначаютъ ли ихъ въ должность за это качество, или они пріобрѣтаютъ его силою обстоятельствъ, только всѣ имъ обладаютъ. Къ коменданту проѣзжающій обращается за всѣмъ: у него просить лошадей, жалуется на неисправность дорогъ, просить починить экипажъ и проч., и коменданты какъ-то все умѣютъ сдѣлать, они навыкли угождать всѣмъ.

Въ Казалѣ мнѣ не пришлось долго жить, чѣмъ я былъ весьма доволенъ. Лишь только я пріѣхалъ и предъявилъ въ полицію свою подорожную, ко мнѣ пришелъ отъ коменданта казачій урядникъ съ вопросомъ, не желаю ли я воспользоваться выставкой для одного изъ значительныхъ лицъ ташкентскаго управленія? Разумѣется, отъ такого предложенія я не отказался, зашелъ къ коменданту, поблагодарилъ за это и поѣхалъ на прекрасныхъ казачьихъ лошадяхъ. До форта № 2 или Карамакчи, я ѣхалъ двое сутокъ; въ немъ я пробылъ три дня, въ ожиданіи возможности ѣхать далѣе. Фортъ № 2 очень маленькое мѣстечко, расположенное на самомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, которая

здѣсь очень широка, потому что имѣетъ рукавъ, называемый Караузякъ. Здѣсь лошадей никакихъ не было; но, къ счастію моему, пріѣхалъ кто-то изъ форта Перовскій, и я нанялъ отправлявшихся обратно казаковъ. Изъ форта № 2 мы на лодкахъ переправились на лѣвый берегъ р. Сыръ-Дарьи, которымъ доѣхали до бывшей коканской крѣпостцы, гдѣ въ настоящее время лѣтомъ живетъ нѣсколько человѣкъ уральскихъ казаковъ, которые содержатъ перевозъ черезъ Яманъ-Дарью.

Здѣсь мы поставили наши экипажи на баржу и потянулись бичевой вверхъ по Дарьѣ до самаго форта Перовскій.

Фортъ Перовскій, бывшій Акъ-Мечеть, выдержалъ геройскую осаду значительныхъ силъ коканскихъ въ 1853 году. Съ тѣхъ поръ онъ обстроивался. До послѣднихъ нашихъ завоеваній, онъ былъ резиденціей начальника сыръ-дарьинской линіи, и въ немъ было много войска. Пожертвованій для него казной сдѣлано много; даже бревна для казенныхъ построекъ привозились съ Урала, почему одно бревно стоило 20—40 р. с. Теперь все это падаетъ и разрушается. Войскъ стало гораздо менѣе, и фортъ снизошелъ на степень всѣхъ фортовъ. Въ послѣднее время назначена новая должность—начальника праваго фланга; но войска въ фортѣ все-таки мало. Мнѣ отвели квартиру въ собраніи, гдѣ я нашелъ удобную мебель: и сталъ краснаго дерева, и зер-

кало, и деревянный полъ, считающійся во всей Туркестанской области величайшею роскошью. Отсюда не предстояло скорой возможности ѣхать, почему мнѣ предложили отправиться до Туркестана на пароходѣ. Разумѣется, плаваніе на пароходѣ удобнѣе, чѣмъ ѣзда въ экипажѣ; но сыръ-дарьинскіе пароходы своеобразны, такъ же, какъ и самая рѣка. Я перебрался на пароходъ «Сыръ-Дарья», гдѣ нашелъ небольшое общество. Пароходъ представлялъ какую-то странную аномалію съ пустынными берегами рѣки, на которыхъ иногда виднѣлись киргизскіе аулы; впрочемъ, онъ старался поддѣлаться къ средней Азіи, къ мѣстной обстановкѣ: онъ не имѣлъ манометровъ, почему количество паровъ въ котлѣ не было извѣстно; онъ не имѣлъ никакихъ запасныхъ вещей, необходимыхъ для починки его, которая, чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ чаще предвидѣлась. Мы шли не торопясь, по 3 версты въ часъ, останавливаясь на ночь, и путь, который я, на обратномъ пути, въ экипажѣ сдѣлалъ въ два дня, совершенъ былъ на пароходѣ въ 18 сутокъ. Въ Джулекѣ мы простояли три дня за починкой парохода. Джулекъ, небольшой фортъ, бывшій два года назадъ передовымъ нашимъ мѣстомъ, имѣетъ одну крѣпость, въ которой помѣщаются какъ казенныя зданія, такъ и служащіе. Внѣ крѣпости стоитъ очень немного домовъ. Фортъ этотъ выстроенъ весьма опрятно и имѣетъ красивую часовню. Берега Сыръ-Дарьи въ этомъ мѣстѣ не высоки, вода мутна, комаровъ мало,

солнечный жаръ увеличивается на пароходѣ раскаленной трубой, которая печетъ обильно искры, сжигающія все, на что попадаютъ. На берегахъ множество фазановъ: говорятъ, что водятся и тигры, которые намъ не встрѣчались, впрочемъ, можетъ быть, въ камышахъ. Такъ идетъ плаваніе по Сыръ-Дарьѣ до пристани Акъ-Джаръ или Ушъ-Коякъ, откуда сухимъ путемъ 35 верстъ приходится ѣхать на верблюдахъ или на лошадяхъ, непривычныхъ къ ѣздѣ въ экипажахъ, до Туркестана.

Высокая мечеть Азрета видна издали, за ней появляются туркестанскіе сады и, наконецъ, самый городъ. Городъ небольшой, домовъ, по азіатскому обычаю, нѣтъ—всѣ они за заборомъ: за то оживленный, шумный базаръ производитъ отрадное впечатлѣніе послѣ однообразной, песчаной степи или тихаго плаванія по Сыръ-Дарьѣ.

Въ 20 верстахъ отъ Туркестана по дорогѣ въ Чемкентъ находится деревня Иканъ, подъ стѣнами которой совершенъ геройскій подвигъ уральскою казачьею сотнею противъ цѣлой арміи Алимкула: ничтожный остатокъ этой сотни три дня защищался отъ нападеній непріятеля. По дорогѣ въ Чемкентъ встрѣчается нѣсколько оставленныхъ крѣпостей. Чемкентъ имѣетъ высокую крѣпость, построенную изъ глины, и въ городѣ много садовъ.

Отъ Чемкента до Ташкента 115 верстъ: слѣва, на востокъ видны горы Кызы-Куртъ, черезъ отроги

которыхъ проходитъ дорога, за ними снѣжный Алатау, на западъ — широкая долина Сыръ-Дарьи.

Обширные, широко раскинутые сады Ташкента, видны за 15 верстъ.

Подъѣзжая къ городу, замѣчаешь болѣе оживленное движеніе — несомнѣнная близость значительнаго торговаго пункта. Обиліе воды, которая то шумными водопадами, приводящими въ движеніе мельницы, то стоячими прудами, то спокойными источниками оживляетъ городъ, густо обсаженный садами. Ташкентъ представляетъ элипсисъ, длинная сторона котораго 8 верстъ короткая 6 верстъ. Русская колонія занимаетъ небольшую часть какъ въ цитадели, командующей городомъ, такъ и близъ нея, гдѣ былъ ханскій дворецъ, передѣланный въ домъ для военнаго губернатора, и гдѣ были казенные коканскіе домы.

Приготовленіе къ поѣздкѣ. — Отъ Ташкента до Чиназа. — Чиназъ. — Безводная степь. — Джакъ.

—

Кончивъ свои лѣтнія работы въ Каратау, въ горахъ, составляющихъ послѣдній западный отрогъ Тянъ-Шана, или Небесныхъ горъ, я снова пріѣхалъ въ Ташкентъ въ половинѣ октября, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, какъ этотъ городъ былъ взятъ штурмомъ. Еще въ Чемкентѣ я слышалъ о предполагаемомъ посольствѣ въ Бухару, но, занятый изученіемъ природы, я мало интересовался средне-азіятской политикой и поэтому не обратилъ большаго вниманія на посольство. Въ Ташкентѣ уже мнѣ нельзя было остаться равнодушнымъ къ этому; тамъ я узналъ о прибытіи посланника изъ Бухары и о посылкѣ съ нимъ къ эмиру нашего посольства, которое черезъ 30 или 40 дней должно возвратиться. Время у меня было свободное, страсть къ путешествіямъ во мнѣ не погасла, и новая, невѣдомая страна манила меня; я пожелалъ ѣхать въ Бухару, не принимая на себя никакого офиціальнаго по-

ученія, а просто въ качествѣ туриста. Бухарскій посланникъ, котораго спросили, нѣтъ ли препятствія ѣхать мнѣ, имѣющему въ виду посмотрѣть Бухару, выразилъ свое удовольствіе, что его родина интересуетъ русскихъ, и не только не нашелъ никакого препятствія для моей поѣздки, но увѣрялъ, что какъ эмиръ, такъ и подданные его будутъ весьма довольны моимъ стремленіемъ посмотрѣть его родину. И я поѣхалъ. 19 октября 1865 г.; въ 4 часа пополудни, мы выѣхали изъ Ташкента верхомъ, имѣя нѣсколько двуколесныхъ арбъ для нашихъ пожитковъ. Насъ было 32 человѣка, изъ которыхъ два офиціальныя лица, имена которыхъ были упомянуты въ письмѣ къ эмиру, два офицера: одинъ, какъ бывшій топографъ, имѣвшій цѣлью составить маршрутную карту и гласно считавшійся начальникомъ конвоя, и другой — переводчикъ, 13 казаковъ уральскихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ, одинъ въ родѣ секретаря миссіи, Мулла Мамашерифъ, знавшій персидскій языкъ, 10 джигитовъ изъ киргизовъ, 2 человѣка прислуги, татаринъ, присоединившійся къ намъ, чтобы имѣть возможность получить долгъ, бывшій на одномъ изъ бухарскихъ купцовъ, и я; сверхъ того, съ нами ѣхалъ бухарскій посланникъ съ своей свитой. До самаго Чиназа на протяженіи 70 верстъ весьма часто встрѣчаются деревни туземцовъ и вездѣ видны воздѣланныя поля, особенно вблизи Ташкента, отъ котораго до Зюньга-ата на 15 верстъ жилые домы и

сады не прерываются. Пока мы ѣхали городомъ, котораго задѣли только небольшую часть, пока осмотрѣли мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь передъ штурмомъ, смерклось; небо было ясно и безоблачно, луна свѣтила ярко, и мы весело ѣхали, обгоняя другъ друга. Въ деревню Нишъ-башъ мы пріѣхали поздно и тамъ остались ночевать; арбы наши пошли другой дорогой, почему мы остались безъ чаю и безъ постелей. Дрянной чай мы добыли въ деревнѣ, а за неимѣніемъ постелей улеглись на коврахъ. Утромъ встали рано и поѣхали далѣе. Я, наскуча медленной ѣздой, поскакалъ впередъ въ Чиназъ, — кокандская деревня съ базаромъ и крѣпостью,—занятый русскими властями. Чиназъ стоитъ въ 7 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи; я поѣхалъ прямо въ коменданту, который уже имѣлъ приказаніе изъ Ташкента встрѣтить съ почетомъ бухарскаго посланника. Комендантъ нарядился въ мундиръ, сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи почетнаго караула, и мы съ нимъ отправились въ приготовленный для насъ домъ. При входѣ съ улицы въ ворота, мы нашли обширный дворъ; посреди него находился бассейнъ, въ который пропущена была вода каналомъ, или арыкомъ. Бассейнъ былъ обсаженъ деревьями. Въ глубинѣ двора, во всю его ширину, былъ домъ, но домъ не русскій, не общеевропейскій, а чисто средне-азіятскій. Этотъ домъ представлялъ глиняную стѣну, подобную забору, такого же цвѣта, какъ земля, потому что она сдѣлана изъ той же земли,

какъ и терраса передъ домомъ. Въ домѣ было нѣсколько дверей, выходящихъ на террасу. Комнаты не соединяются одна съ другой, а имѣютъ одинъ выходъ на террасу; освѣщенія почти нѣтъ; надъ дверьми сдѣлано небольшое отверстіе, заклеенное бумагой, намазанной саломъ. Вскорѣ послѣ нашего прихода пріѣхали и мои спутники; бухарскій посланникъ поклонился почетному караулу, который закричалъ на это: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство!» Посланникъ Ишанъ-Ходжа — молодой человѣкъ, полный, важный, съ умнымъ лицомъ и весьма симпатичными манерами, въ снѣжно-бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ.

Въ Чиназѣ мы пробыли весь слѣдующій день, приготовляясь къ дальнему путешествію. Имѣя въ виду пройти 120 верстъ по безводной степи, мы должны были взять съ собою мѣшки съ водою и кормъ для лошадей. Въ холодное, но ясное утро, 22 октября, мы выѣхали изъ Чиназа и въ 7 верстахъ отъ крѣпости переправились черезъ Сыръ-Дарью.

Переправа на скверномъ паромѣ шла весьма медленно, поэтому мы на лѣвомъ бухарскомъ берегу напились чаю и затѣмъ отправились далѣе. Только на берегу шумной Сыръ-Дарьи растутъ камыши, далѣе же является печальная степь безъ воды, безъ травы, безъ всякаго признака растительности. Постоянно безоблачное небо средней Азіи скупо на дожди, почему почва, никогда не орошаемая, остается сухою и без-

Вѣроятно, остановка эта была сдѣлана съ намѣреніемъ, но она зависѣла не отъ насъ. Ишанъ-Ходжа, предлагая остановку, говорилъ, что намъ нужно дать отдыхъ. Въ первый бухарскій городъ мы въѣхали вечеромъ, проѣзжая по узкимъ, извилистымъ улицамъ. Въ приготовленномъ для насъ помѣщеніи было на полу, во всю длину комнаты, разставлено обильное угощеніе. Чего тутъ не было: нѣсколько головъ сахару и ящики съ леденцами, фрукты свѣжіе и сушеные, орѣхи, сухое варенье, бульонъ, жаркое, пилавъ и проч. Гигантскіе хлѣбы, въ видѣ лепешекъ, замѣняли и тарелки, и салфетки, и подносы.

Утромъ, 24 октября, едва мы проснулись, какъ насъ попросили одѣться попарадніе, чтобы показаться народу, который еще не видѣлъ русскихъ. На террасѣ, обращенной во внутренній дворъ, дано было намъ угощеніе, и собравшійся народъ смотрѣлъ, какъ мы ѣдимъ, удивляясь нашимъ вилкамъ, которыя эти дѣти природы замѣняютъ руками, почему они свои кушанья называютъ бишъ-бармакъ, т. е. пять пальцевъ. Комедія эта намъ вскорѣ надоѣла, почему мы отправились къ себѣ въ комнату и затѣмъ, лишь только лошади были осѣдланы и наши вещи уложены въ арбы, отправились въ дальнѣйшій путь.

Нужно замѣтить, что по пріѣздѣ нашемъ въ Дзакъ, Ишанъ-Ходжа тотчасъ же отправился къ беку, Якубъ-беку, родомъ персу и бывшему въ дѣтствѣ въ гаремѣ

у покойнаго эмира. Даровитый мальчикъ обратилъ на себя вниманіе государя своего, почему, не смотря на свое рабство, онъ дошелъ до званія бека и пользовался уваженіемъ всѣхъ. Якубъ-бекъ прислалъ поздравить насъ съ пріѣздомъ въ первый бухарскій городъ, причемъ извинялся, что онъ самъ, какъ официальное лицо, не можетъ, безъ разрѣшенія своего государя, сдѣлать намъ визита.

Здѣсь насъ угощали на счетъ бухарскаго эмира и съ этого времени до выѣзда изъ бухарскихъ владѣній, въ продолженіе семи мѣсяцевъ, мы уже не имѣли своихъ расходовъ и получали все содержаніе изъ бухарской казны.

Таковъ уже обычай востока: этимъ выражается гостепріимство, которое высоко чтится мусульманами. Разумѣется, намъ и пріятнѣе, и удобнѣе было бы расходовать собственныя деньги, тогда мы могли бы пріобрѣсти теплое платье, построить печи, въ которыхъ мы такъ нуждались въ Бухарѣ; но обстоятельства были сильны, и побороть ихъ мы не могли.

Выѣхавъ за городъ, мы переодѣлись въ дорожные костюмы и пошли черезъ ущелье Джеланъ-Уты. Горы эти, на сѣверномъ склонѣ которыхъ стоятъ Дзакъ, Ура-табэ и проч., упираются на западѣ въ Казылъ-Кумъ, поэтому послѣднимъ нашимъ пріобрѣтеніемъ отъ Бухаріи отнота совершенно долина Сыръ-Дарьи.

Отъ Джизака до Бухары.

—

Разстояніе между Джизакомъ и Самаркандомъ не велико, всего только 11 ташъ, или 88 верстъ. Тотчасъ за Джизакомъ, по переѣздѣ черезъ рѣку, появляются горы, такъ отрадно ласкающія взоръ послѣ безконечной степи. Горы не высоки и идутъ параллельными, заходящими одинъ за другой рядами: между ними извивается рѣчка Джеланъ-уты (Джеланъ—змѣя), имѣющая довольно пологое теченіе. Горы состоятъ изъ метаморфическихъ сланцевъ. На половинѣ прохода является зернистый черный известнякъ съ известковымъ шпатомъ, на скалахъ котораго, какъ на скрижаляхъ, сдѣлана надпись, изъ которой видно, что 500 лѣтъ назадъ, одинъ изъ владѣтелей Средней Азіи имѣлъ войну съ народомъ, обитавшимъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, былъ разбитъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдуемъ непріятелемъ. Здѣсь же ему попалась часть оставленныхъ имъ войскъ, съ помощію которыхъ онъ успѣлъ въ этомъ неприступномъ, по мнѣнію бухар-

цевъ, ущельѣ, одержать верхъ надъ врагомъ. Кажется, впрочемъ, что Джеланъ-уты легко можно обойти. Мы сдѣлали небольшой переходъ, только въ 25 верстъ, остановившись въ Яны-Курганъ-Бойсай въ довольно тѣсномъ помѣщеніи. 25 октября переходъ въ 48 верстъ.

Отъ Яны-Курганъ едва замѣтный подъемъ въ гору, за которой открывается плодоносная долина Міанканъ, по р. Зайревшанъ-Дарья, т. е. золотоносная. Названіе это она получила не отъ благороднаго металла, а отъ благодатной почвы, на которой нѣтъ клочка земли не воздѣланной и на которой очень густое населеніе. По словамъ Ишанъ-Ходжи на 500 верстъ тянется непрерывный рядъ садовъ, рядомъ съ которыми террасообразно расположены поля, рисовыя, хлѣбныя, хлопковыя. Зайревшанъ-Дарья беретъ начало изъ озера Искендеръ-Куль въ снѣжныхъ горахъ и течетъ между горъ Ургуту и Османъ-Каратау, исчезая вся въ арыкахъ. Говорятъ, долина Міанканъ такъ обработана, что для орошенія полей едва достаетъ обильной водою Зайревшанъ-Дарьи, которой, такъ сказать, каждая капля разсчитана. Мы ночевали въ 12 верстахъ отъ Самарканда. Вечеромъ мы пришли на ночлегъ; шелъ небольшой дождь, хотя было весьма тепло. Ишанъ-Ходжа попросилъ насъ менѣе разспрашивать его въ присутствіи постороннихъ и не вести никакихъ замѣтокъ, потому что насъ приняли за лазутчиковъ. Пришлось быть еще осторожнѣе.

Не доѣзжая 7 верстъ до Самарканда, мы остано-

вились на аркѣ. Ишанъ-Ходжа еще ранѣе получилъ какую-то бумагу, на которую немедленно отправилъ отвѣтъ; а въ ожиданіи новыхъ инструкцій отъ самаркандскаго бека, онъ просилъ насъ приготовить наши парадные костюмы и немного отдохнуть. Мы нарядились кто во что гораздъ, переправились черезъ Зэйревшанъ, воды которой доходили по брюхо лошадей, и вскорѣ въѣхали въ бывшую столицу Тамерлана, на кокташѣ (зеленомъ камнѣ) котораго возсѣдаютъ владыки Бухаріи, какъ на тронѣ. Улицы были усыпаны народомъ, который велъ себя весьма прилично. Передъ одной изъ мечетей мы остановились. Ишанъ-Ходжа слѣзъ съ лошади и, преклонивъ передъ храмомъ колѣно, совершилъ короткую молитву. Это мечеть одного изъ почитаемыхъ мусульманами святыхъ. Мы остались на лошадяхъ. Мы проѣхали обширный базаръ съ готическими кирпичными сводами, построенный какою-то китайскою принцессою, женой одного изъ эмировъ Бухаріи; видѣли развалины мечети, тоже минувшей эпохѣ, проѣхали весь городъ и остановились въ предмѣстьѣ. Никакого утощенія не нашли, значитъ плохо. И въ самомъ дѣлѣ наши киргизы пошли на базаръ—ихъ народъ поколотилъ; мы просили послать извѣстіе въ Ташкентъ—отказъ. Одинъ изъ насъ, поѣхавшій больнымъ изъ Ташкента, почувствовалъ себя въ Самаркандѣ гораздо хуже: мы просили нашего доктора—отказъ: попросили доктора бухарскаго — намъ отвѣчали, что

его нельзя дать безъ позволенія эмира; но когда мы намекнули, что можно просить объ этомъ эмира, — намъ отказали; наконецъ, чтобъ отдохнуть немного съ дороги больному, мы хотѣли переночевать въ Самаркандѣ—и въ этомъ отказъ. Насъ всѣми силами старались какъ можно скорѣе выпроводить изъ города и, разумѣется, достигли этого. Угощеніе, по обыкновенію, было, но нѣсколько поздно.

Намъ въ утѣшеніе на всѣ наши просьбы отвѣчали, что мы можемъ остановиться гдѣ хотимъ, лишь только выѣдемъ изъ города. Но мы устроили больному арбу, перевязавши ее веревками, на которыя постлали сѣна и тюфякъ. Такъ ему было покойно, и мы мечтали только добраться поскорѣе до цѣли нашего путешествія, до Бухары.

У нашихъ воротъ, гдѣ стояли наши арбы и верховыя лошади, собралось много народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ было какое-то подобіе почетной стражи или же полицейской для наблюденія за порядкомъ—не извѣстно. Кажется, впрочемъ, что послѣднее вѣроятнѣе.

27 октября намъ предстоялъ переѣздъ до деревни Даулъ, 22 версты. День былъ жаркій, пыль была страшная, и верстъ 6 мы были сопровождаемы огромною толпою, желавшею посмотрѣть на насъ. Ишанъ-Ходжа просилъ насъ ѣхать какъ можно ближе къ нему, вѣроятно опасаясь, чтобъ его соотечественники не надѣлали бы намъ какихъ-нибудь пакостей. Вечеромъ

Ишанъ-Ходжа приходилъ къ намъ для дипломатическихъ переговоровъ, а 28 утромъ, мы проѣхали 42 версты до Катты-Курганъ. Овраги по лѣвую сторону долины Міанкана представляютъ нагорную долину, прорѣзанную крутыми балками, покрытыми глиной, изъ-подъ которой обнажается известнякъ, въ 14 верстахъ отъ Катты-Курганъ, въ деревнѣ Карасу. Эта мѣстность показалась мнѣ весьма схожею съ южнорусскими балками, гдѣ находится каменный уголь, и я не ошибся; на обратномъ пути, при другихъ обстоятельствахъ, я нашелъ въ Кара-Су углистую глину.

Нашъ Ишанъ-Ходжа велъ каждый день свои мемуары, которые онъ обязанъ былъ представить своему государю. Онъ писалъ всякую мелочь и очень часто посылалъ свои донесенія; на одно изъ нихъ, писанное изъ Ничь-башъ, между Ташкентомъ и Чиназомъ, онъ получилъ отвѣтъ.

На прекрасномъ аргамакѣ, во всю прыть прискакалъ къ нему рыцарь въ снѣжно-бѣлой чалмѣ, опоясанный саблею. Лице было почетное. Ишанъ-Ходжа, поздоровавшись съ нимъ, отъѣхалъ въ сторону, прочелъ привезенную бумагу, вѣроятно касавшуюся насъ и до самаго Катты-Курганъ ѣхалъ поодаль отъ насъ съ пріѣзжимъ. Намъ отвели помѣщеніе въ предмѣстьѣ; угощеніе было обильное.

29 октября переходъ въ 40 верстъ: дорогой вездѣ обработанныя поля, хотя уже и снятыя. Мѣстами яв-

лялся известнякъ. День жаркій, пыль. Въ полдень остановка подъ тѣнью деревъ для легкаго отдыха и ночлегъ въ деревнѣ.

30 октября. Переходъ въ 38 верстъ, тою же долиной. Населеніе весьма густо, движеніе жителей большое.

При взглядѣ на страну и на людей, переносишься во времена библейской исторіи. Важныя лица въ бѣлыхъ чалмахъ, въ широкихъ халатахъ; бѣдный народъ на ослахъ, уличная жизнь весьма оживленная, съ частыми селеніями, съ шумными базарами, верблюды съ колокольчиками и погремушками; даже глиняные кувшины, изъ которыхъ жители пьютъ воду, черпая ее изъ источниковъ, напоминаютъ времена Авраама.

Нѣтъ прекрасныхъ Рахилей, потому что восточныя женщины прячутъ и лице и руки, покрывая первое черною сѣткою, какъ маска.

31 октября и 1 ноября тою же долиной впередъ на з. с. з. 1 ноября перешли весьма немного и остановились близъ Бухары, чуть не въ предмѣстьѣ ея. Отсюда начались дѣятельные переговоры съ эмиромъ. Нашъ Ишанъ-Ходжа сказалъ, что было предположеніе задержать насъ въ Дзакѣ или въ Самаркандѣ, что эмиръ собирался ѣхать въ Карши, и отложилъ свое путешествіе въ ожиданіи насъ.

Въѣздъ въ Бухару. — Представленіе эмиру.

—

Наконецъ, желанный гонецъ съ желаннымъ приглашеніемъ или, вѣрнѣе, съ дозволеніемъ пріѣхалъ, и мы опять нарядились въ болѣе изящные костюмы и въѣхали въ Бухару. Городъ обнесенъ высокою стѣною, въ городѣ глиняные домы и только старыя мечети, изъ которыхъ многія превратились въ развалины, замѣчательны по своей постройкѣ, все современное—ужасная дрянь. Улицы узки, садовъ мало. Мы проѣхали почти весь городъ, и, наконецъ, насъ ввели черезъ ворота въ дворъ, гдѣ мы сошли съ лошадей, телѣги наши не могли войти въ ворота. Изъ двора черезъ небольшой коридоръ насъ ввели въ другой дворъ, образованный изъ поставленныхъ со всѣхъ сторонъ помѣщеній. Этотъ дворъ и эти помѣщенія, не скажу комнаты, были свидѣтелями нашего томительнаго пребыванія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ Бухарѣ. Хозяинъ нашъ былъ шикаулъ или майрамъ-бекъ, т. е. церемоніймейстеръ; онъ тотчасъ былъ представленъ намъ Ишанъ-Ходжей. Угоще-

ніе здѣсь превосходило своимъ обиліемъ угощеніе другихъ городовъ. Разныя явства стояли по полу во всю длину комнаты. И если судить по угощенію, мы въ правѣ были думать, что насъ примутъ отлично и скоро отпустятъ; но этотъ признакъ оказался не вѣрнымъ. Еще на пути отъ Самарканда въ Бухару, Ишанъ-Ходжа давалъ намъ какіе-то неясные намеки, что мы не скоро выберемся, объясняя это тѣмъ, что его же опять пошлютъ провожать насъ обратно, а онъ такъ давно не видѣлся съ своею семьею, что ранѣе двухъ недѣль не оставитъ Бухары. Даже проѣзжая черезъ свою деревню, онъ не имѣлъ права заѣхать въ свой домъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ мы замѣтили, что дверь изъ нашего внутренняго двора въ первый дворъ заперта. Правда, ее можно было обойти, отправившись изъ корридора въ кухню шихаула, изъ которой была дверь въ другой дворъ, соединявшійся съ первымъ. Въ этомъ дворѣ былъ бассейнъ, обсаженный деревьями, деревья по стѣнамъ. Здѣсь мы держали нашихъ лошадей. Итакъ, хотя запертую дверь и можно было обойти, тѣмъ не менѣе подобное явленіе показалось намъ страннымъ. Объ этомъ мы спросили и шихаула и Ишанъ-Ходжу. Они отвѣчали намъ, что пока мы не представлялись эмиру, до тѣхъ поръ не можемъ выходить изъ двора.

Въ нашемъ внутреннемъ дворѣ мы были размѣщены такъ, что направо въ двухъ комнатахъ жили мы—офи-

церы и наша прислуга; налѣво были три комнаты, изъ которыхъ средняя, маленькая, была занята нашимъ больнымъ, а въ двухъ крайнихъ, одной примыкавшей подъ прямымъ угломъ къ комнатамъ, выходившимъ съ одной стороны въ нашъ дворъ, а съ другой въ первый дворъ, размѣстились наши мусульмане, а въ другой крайней казаки. Прямо отъ входа комнату заняли трое киргизовъ и рядомъ съ нею мы устроили нашу кухню. Сверхъ того, надъ кухней шихаула была небольшая комната, въ которую можно было попасть, поднявшись по лѣстницѣ на террасу надъ нашей кухней, съ которой былъ видѣнъ весь дворъ съ бассейномъ, гдѣ были наши лошади. Въ комнатѣ была еще дверь постоянно запертая, выходившая на передній дворъ. Въ этой комнатѣ помѣстилось нѣсколько человѣкъ нашихъ джигитовъ.

Первые дни прошли скучнѣе, чѣмъ, можетъ быть, послѣдніе. Мы совершенно были разочарованы Бухарой. Вмѣсто полной свободы, мы были удержаны у себя; я даже думалъ, что мы будемъ получать приглашеніе на обѣды, что въ честь нашу будутъ устроиваться праздники, между тѣмъ съ перваго же часа мы увидѣли, что ничего этого не будетъ и что нужно только помышлять о скорѣйшемъ отъѣздѣ изъ этой варварской страны. Ожиданіе представленія къ эмиру не было очень длинно, хотя было дольше, чѣмъ мы предполагали и какъ насъ увѣрялъ Ишанъ-Ходжа. На третій день утромъ, 5 ноября, когда мы для развлеченія вынули привезен-

ныя съ нами карты и стали играть, къ намъ пришелъ Ишанъ-Ходжа и заторопилъ поскорѣе одѣваться и отправляться къ эмиру. Это требованіе было неожиданно, и видно о немъ никто не зналъ ранѣе. Мы начали доставать наши мундиры, вынимать присланные изъ Ташкента подарки для эмира; насъ торопили и, между тѣмъ, устроивали церемоніалъ нашего представленія. Рѣшено было, что мы, русскіе, будемъ держать руку подъ козырекъ по-военному, а мусульмане должны пасть ницъ предъ владыкой правовѣрныхъ. На лошадяхъ должны ѣхать двое, имена которыхъ были упомянуты въ письмѣ къ эмиру. Я было хотѣлъ остаться дома; но меня уговорили идти. Ишанъ-Ходжа извинялся передо мною, что я долженъ идти пѣшкомъ, и хотѣлъ самъ сдѣлать мнѣ компанію, говоря, что такъ требуетъ шаріатъ. Пришлось въ мусульманской странѣ подчиниться мусульманскимъ законамъ. Шествіе наше тронулось. Два посланника верхомъ, съ ними Ишанъ-Ходжа, за ними два офицера и я, казаки съ подносами, покрытыми краснымъ сукномъ, на которыхъ были подарки для эмира, и, наконецъ, всѣ остальные казаки и киргизы. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ изъ дворца привезли намъ извѣстіе, что по разъясненіи шаріата оказалось, что и мы трое можемъ ѣхать верхомъ. Шествіе остановилось, послали за лошадьми, которыя всѣ были осѣданы, потому что мы разсчитывали ѣхать верхомъ, и мы получили ихъ весьма

скоро. Сѣли на лошадей по шаріату, который нѣсколько минутъ назадъ дозволялъ намъ идти пѣшкомъ. Какъ передъ нашимъ шествіемъ, такъ и по сторонамъ и сзади, были полицейскіе, разгонявшіе палками народъ. Пройдя нѣсколько улицъ, мы вступили на обширную площадь; здѣсь насъ попросили сойти съ лошадей. Площадь была полна народу, на ней былъ базаръ, въ глубинѣ ея виднѣлось большое зданіе съ воротами посрединѣ и съ часами на фронтонѣ—это дворецъ эмира. Мы пошли пѣшкомъ. Ишанъ-Ходжа, благочестиво сложивъ руки на животѣ и склонивъ голову, открывалъ шествіе. Такъ мы прошли всю площадь. Въ воротахъ виситъ гигантскихъ размѣровъ плѣть—символъ власти повелителя Бухаріи. Отъ воротъ идетъ наклонная покатость кверху; дворецъ построенъ на насыпи, либо на возвышеніи; мы прошли нѣсколько дворовъ, встрѣчая на пути рабовъ-персовъ, несшихъ въ кожаныхъ мѣшкахъ воду. Глиняныя стѣны были закопчены и запылены, и дворецъ представлялся нечистымъ, безобразнымъ; наконецъ, мы вошли въ длинную, но узкую комнату, переполненную народомъ; здѣсь были только почетныя лица въ снѣжно-бѣлыхъ чалмахъ, въ кашемировыхъ халатахъ или опоясанныя кашемировыми шалями, съ серебряными топориками въ рукахъ. Мы размѣстились по офиціальному нашему положенію: впереди мы — почетные люди, а сзади наши казаки и джигиты. Письмо и подарки куда-то унесли, и мы ждали, что

изъ какой-нибудь запертой двери выйдетъ эмиръ и приметъ насъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Изъ дверей выглядывала гаремная прислуга, разодѣтые мальчики—забава пресыщеннаго женщинами эмира; но онъ не показывался. Наконецъ, насъ попросили въ другую, болѣе обширную комнату. Ишанъ-Ходжа и шихаулъ—послѣдній въ парчевомъ красномъ халатѣ съ золотыми узорами въ родѣ ризы и оба въ снѣжнобѣлыхъ чалмахъ—вертѣлись около насъ. Въ этомъ залѣ, по стѣнамъ котораго были деревянныя скамейки, мы ждали весьма недолго, и отсюда начался обрядъ представленія, о чемъ намъ сдѣлано было коротенькое наставленіе. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Залъ въ своемъ концѣ имѣетъ дверь, выходящую въ большой чистый, мощеный дворъ, окруженный высокою стѣною, которая составляетъ, можетъ быть, большую часть стѣны дворца. Противъ дверей въ глубинѣ двора окно, у котораго бокомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ 40 съ черною бородою въ бѣлой чалмѣ и въ красномъ халатѣ. Это былъ самъ эмиръ. Насъ раздѣлили на разряды; сперва двухъ, имѣвшихъ офиціальное порученіе, ввели во дворъ и остановили въ началѣ его у дверей. Ишанъ-Ходжа и шихаулъ, какъ ассистенты, стали по бокамъ, прокричали что-то на персидскомъ языкѣ, въ родѣ: «прими, государь, и благослови!» на что̀ эмиръ сказалъ: «аллахъ аперъ,» взявши себя при этомъ за бороду, и тѣмъ представленіе кончилось; затѣмъ ввели насъ троихъ, потомъ казаковъ

и, наконецъ, мусульманъ. Со всѣми повторялась одна и та же исторія, съ тою разницею, что русскіе держали руку къ козырьку, по-военному, а мусульмане, при появленіи во дворъ, падали ницъ. Представленіе было необыкновенно быстро, такъ что я едва успѣлъ найти глазами эмира, какъ привѣтствіе прокричали, и благословеніе было дано. Все это было до невѣроятности каррикатурно; мы полагали, по крайней мѣрѣ, что послѣ этого обряда съ нами кто-нибудь изъ почетныхъ лицъ будетъ разговаривать, что насъ будутъ угощать во дворцѣ. Ничуть не бывало: все кончилось тѣмъ, чѣмъ началось. Насъ тотчасъ же повели назадъ по той же площади; также за нами бѣжалъ народъ, который разгоняли палками; за площадью мы сѣли на лошадей и пріѣхали разсерженные этою глупою комедіею къ себѣ домой. Ишанъ-Ходжа зашелъ ненадолго къ намъ, заходилъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней то самъ по себѣ или, вѣрнѣе, по приказанію эмира, то по нашему письменному приглашенію, и затѣмъ мы его не видѣли уже до Самарканда.

Пребываніе въ Бухарѣ.

—

Пребываніе наше въ Бухарѣ дѣлится на два періода: первый—по время пребыванія тамъ эмира, когда мы были подъ веденіемъ шихаула, и второй—когда эмиръ отправился въ Самаркандъ и когда мы поступили къ зиккичи или главному сборщику податей.

Шихаулъ, или церемоніймейстеръ, жилъ въ первомъ нашемъ дворѣ въ маленькой комнатѣ, хуже или, по крайней мѣрѣ, такой же, въ какой у насъ помѣщаются дворники; сзади нашего двора помѣщались его жены и дѣти. Послѣ утренней молитвы въ 5 час. утра, каждый день нашъ хозяинъ отправлялся во дворецъ, гдѣ онъ сидѣлъ на корточкахъ вмѣстѣ съ другими высшими государственными лицами, на томъ самомъ дворѣ, при входѣ въ который мы представлялись эмиру, и ожидалъ, когда владыкѣ угодно будетъ отдать ему черезъ окно какое-нибудь приказаніе. Изъ дворца возвращаются всѣ эти господа передъ вечернимъ намазомъ,

поэтому они голодны: во дворцѣ ихъ не кормятъ, а носятъ изъ дому пилавъ. Когда есть пріѣзжіе иностранцы, то шихаулъ обязанъ представлять ихъ эмиру и содержать всѣхъ посланниковъ на свой счетъ, за что̀ получаетъ отъ казны извѣстное жалованье; иногда ему жалуются деревни, доходъ съ которыхъ поступаетъ въ его пользу. Прежде, говорятъ, на каждаго пріѣзжаго отпускалась извѣстная сумма; теперь же сдѣлано такое измѣненіе, которое значительно сокращаетъ государственные расходы. Когда мы пріѣхали въ Бухару, тамъ были посланники изъ всѣхъ мусульманскихъ странъ: отъ Кокана, отъ Худояръ-Хана, настоящаго владѣтеля, и отъ Алимкула, бывшаго регента и убитаго въ дѣлѣ съ русскими, изъ Хивы, изъ Афгана, изъ Шагрисебса, покореннаго Бухарой, но мало признающаго власть эмира, и еще изъ какихъ-то другихъ земель. Все это было на хлѣбахъ у шихаула и, разумѣется, мы были тяжелѣе всѣхъ. Насъ было 32 человѣка и болѣе 40 лошадей: наше содержаніе стоило 28 р. въ сутки и должно было отпускаться натурою: собственно для насъ, какъ болѣе почетныхъ, 4 живыя курицы, яйца, молоко, фрукты и для всѣхъ мясо коровье и баранье, масло, сальныя свѣчи, рисъ и хлѣбъ—ежедневно, чай и сахаръ—въ недѣлю разъ. Все это доставлялось неисправно, не всегда было доброкачественно; лошади также неисправно получали клеверъ и ячмень, и на наши жалобы намъ отвѣчали, что гости должны

быть довольны тѣмъ, что имъ даетъ хозяинъ. Мы возражали, что будемъ довольны, когда намъ дозволятъ содержать себя на свой счетъ; но это не входило въ обычай Бухаріи.

Передъ нашимъ пріѣздомъ эмиръ замышлялъ нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Россіи. Собравъ представителей мусульманскихъ владѣній въ средней Азіи, онъ желалъ раздуть въ нихъ религіозный фанатизмъ и уничтожить ненавистное ему русское сосѣдство. Маскируясь пятисотлѣтней дружбой съ Россіей, опасаясь могущества ея, онъ полагалъ, въ случаѣ неуспѣха, свалить все на своего клеврета, коканскаго хана Худояръ-Хана; въ случаѣ же удачи онъ едва ли подѣлился бы съ кѣмъ-нибудь. Недостало умѣнья привести этотъ планъ въ исполненіе.

Тихо проходили наши дни и довольно однообразно; мы каждый день ожидали вечерняго намаза, какъ времени, къ которому нашъ хозяинъ пріѣзжалъ изъ дворца, въ ожиданіи какихъ-либо извѣстій относительно нашего выѣзда. Дуванъ-беги, или экономъ, ходившій каждый день на базаръ, или сынъ его, разсказывали намъ часто новости, касающіяся нашего отъѣзда. Мы имъ вѣрили, но потомъ узнавали, что насъ морочатъ; тѣмъ не менѣе къ вечернему намазу выходили къ лошадямъ, откуда видно было, какъ пріѣзжалъ нашъ хозяинъ, какъ передъ дверьми его конурки разстилался коверъ, какъ выѣзжалъ съ плоской крыши коканскій посланникъ, какъ всѣ

мусульмане становились, снявши свои калоши, въ рядъ и благоговѣйно слушали молитву, которую читалъ на распѣвъ стоявшій впереди всѣхъ мулла. Довольно часто къ намъ приходилъ по вечерамъ нашъ хозяинъ съ своею свитою, иногда приводилъ своихъ гостей, которымъ желалъ показать насъ; игралъ съ нами въ карты и всякій разъ разсматривалъ наши вещи.

Вскорѣ стало холодно; мы въ темной комнатѣ или зябли, или угорали отъ жаровни съ угольями; казаки и киргизы стали хворать. Мы думали смягчить сердце бухарцевъ хотя этимъ обстоятельствомъ, просили исходатайствовать объ отправкѣ больныхъ въ Ташкентъ, просили дать намъ возможность купить теплое платье и построить на свой счетъ печи; просьбы высказывали и словесно и письменно, но получали на все отказъ, и, когда мы говорили, что при подобной обстановкѣ мы можемъ умереть, намъ отвѣчали: *на то воля Божія*.

Разъ какъ-то вечеромъ, противъ обыкновенія, вычистили нашъ дворъ безъ нашего напоминанія о томъ. Что бы это значило? Вѣроятно, придетъ хозяинъ. Точно, онъ пришелъ и не одинъ, съ нимъ пришелъ чиновникъ отъ зиккичи (главнаго сборщика податей), бывавшій по торговымъ дѣламъ въ Россіи. Чиновникъ этотъ пришелъ потолковать съ нами относительно отправки въ Ташкентъ нашихъ больныхъ; послѣ объясненій онъ и самъ посмотрѣлъ больныхъ,

записалъ ихъ имена, также и здоровыхъ, которые должны ѣхать съ ними; даже прежде, чѣмъ предложено ему было отправить съ больными меня, онъ самъ сказалъ: «у васъ есть тамаша-тюре, которому здѣсь нечего дѣлать, и онъ можетъ ѣхать съ больными». Насъ назначалось человѣкъ 10; желали, разумѣется, всѣ. Остатокъ этого вечера прошелъ въ пріятномъ ожиданіи близкаго отъѣзда; но эти ожиданія прошли сами собою; никто не сказалъ намъ, почему предполагалось насъ отправить, почему вняли нашимъ мольбамъ и почему все это кончилось ничѣмъ. Утро начиналось игрой въ карты, которая производила одуряющее дѣйствіе; разсчетовъ никакихъ мы не дѣлали, а записывали на бумагѣ проигрышъ и выигрышъ, съ тѣмъ чтобъ окончательный разсчетъ сдѣлать когда, оставимъ Бухару. Да и зачѣмъ намъ было разсчитываться?—участники въ игрѣ одни и тѣ же, деньги не имѣли у насъ никакого значенія; выѣдемъ изъ Бухары заплатимъ свои долги, но теперь деньги не нужны, и игра наша была простымъ препровожденіемъ времени, за неимѣніемъ книгъ, за невозможностью писать, потому что чтеніе и письмо въ Бухаріи считаются предосудительными. Впрочемъ, кажется, мы послѣднее обстоятельство преувеличивали. Однажды вечеромъ къ намъ пришелъ шихаулъ и, по обыкновенію, началъ все осматривать. Къ нашему ужасу онъ нашелъ два предмета, которые мы менѣе всего желали ему показать;

одинъ изъ нихъ былъ гомеопатическая аптека, другой книга—путешествіе Александра Бориса въ Бухару, съ картинками: ему объяснили, что въ пузырькахъ находятся зубныя капли и еще что-то въ томъ же родѣ. Мы скрывали аптеку, чтобъ эмиръ не имѣлъ права сказать, что противъ нашихъ болѣзней мы имѣемъ средства, а постоянно хлопочемъ или о присылкѣ къ намъ доктора изъ Ташкента, или объ отправкѣ больныхъ. Разумѣется наши хлопоты были безуспѣшны. Книги были еще опаснѣе въ рукахъ дурака шихаула. Онъ перелистывалъ книгу, посмотрѣлъ картинки, на которыя нашъ секретарь, мулла Мамашерифъ, далъ объясненіе, что типы туземцевъ изображаютъ черкесовъ, а виды — ихъ города и жилища. Шихаулъ повѣрилъ, и мы успокоились: но книги и аптеку прятали подальше, чтобъ не вышло какой-нибудь непріятности.

Такъ шло время до половины декабря: погода стояла прекрасная: по утрамъ иногда доходила до — 13°; но въ дурномъ нашемъ помѣщеніи мы зябли, и особенно непріятно бывало по утрамъ: жаровни, замѣнявшія печи, производили угаръ.

Около 10 декабря до насъ дошла вѣсть, что генералъ Черняевъ, не получая отъ насъ извѣстій, послалъ двухъ человѣкъ съ письмомъ къ эмиру, гдѣ онъ требовалъ нашей высылки. День или два мы тщетно прождали этихъ людей; наконецъ, получили извѣстіе, что

люди задержаны въ Дзикѣ, а письмо отправлено въ Бухару къ эмиру. Въ благопріятномъ исходѣ дѣла мы не сомнѣвались; мы были увѣрены, что письмо нашего генерала, имя котораго гремѣло по всей Средней Азіи, произведетъ дѣйствіе и насъ выпустятъ. Ни шихаулъ, ни дуванъ-беги, ни сынъ его, никто не говорилъ ни о пріѣздѣ людей изъ Ташкента, ни о письмѣ къ эмиру. Дуванъ-беги въ это время говорилъ, что у эмира идутъ разсужденія о насъ, что эмиръ собирается ѣхать въ Карши.

Съ шихауломъ мы нѣсколько поссорились; причиною этого были два обстоятельства. Однажды вечеромъ, тотчасъ по пріѣздѣ нашего хозяина изъ дворца, онъ вошелъ къ намъ и сказалъ, чтобы мы очистили комнату наверху для помѣщенія кого-то изъ пріѣзжихъ. Мы отвѣчали, что это насъ стѣснитъ, и потому комнату мы очистить не можемъ. Шихаулъ настаивалъ, мы не уступали, и кончилось тѣмъ, что мы настояли на своемъ. Нашъ хозяинъ ушелъ разгнѣванный, тѣмъ болѣе, что отказъ ему сдѣланъ былъ въ присутствіи бывшихъ съ нимъ людей. Онъ сдѣлалъ на этотъ счетъ замѣчаніе нашему переводчику, который отвѣчалъ, что онъ обязанъ былъ переводить то, что слышалъ, не прибавляя ничего отъ себя; но тѣмъ не менѣе шихаулъ сердился какъ на насъ, такъ и на переводчика. Черезъ нѣсколько дней случилось другое обстоятельство. Черезъ кухню шихаула былъ выходъ на дворъ съ бас-

сейномъ, гдѣ стояли наши лошади. Въ эту кухню ходили всѣ. Разъ какъ-то одинъ изъ нашихъ казаковъ пожаловался намъ, что его ударилъ бывшій въ кухнѣ сартъ. На это обстоятельство не обратили особеннаго вниманія, какъ по причинѣ нашего стѣснительнаго положенія, такъ и потому, что казакъ былъ заносчивъ и придирчивъ. Казаку сдѣлано было внушеніе, чтобы онъ не ходилъ на кухню и держалъ себя подальше отъ сартовъ. Прошло нѣсколько дней, и другой казакъ пришелъ съ подобною же жалобою. Тогда увидѣли, что на насъ смотрятъ какъ-то враждебно. Мы попросили шихаула пожаловать къ намъ; онъ пришелъ послѣ вечерняго намаза весьма надменно и эффектно. Было уже холодно, поэтому выходъ во дворъ былъ запертъ и завѣшенъ ковромъ; къ намъ ходъ былъ черезъ помѣщеніе для прислуги. Шихаулъ сдѣлалъ два шага, остановился посреди комнаты и, не привѣтствуя насъ, окинулъ всѣхъ свирѣпымъ взглядомъ. Мы попросили его сѣсть и выслушать насъ. Едва мы успѣли вымолвить нѣсколько словъ, какъ онъ насъ прервалъ длинною рѣчью, которая прежде, чѣмъ была переведена намъ, непріятно подѣйствовала на насъ какъ тономъ своимъ, такъ и словомъ «каѳиръ», нѣсколько разъ произнесеннымъ. Мусульмане презираютъ всякаго человѣка другаго исповѣданія, называя его пренебрежительно каѳиръ, т. е. невѣрный.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то вечеромъ, Мамаше-

рифъ былъ потребованъ къ шихаулу, отъ котораго пришелъ къ намъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что насъ предполагаютъ отпустить въ Ташкентъ и спрашиваютъ предварительно, какіе мы желаемъ имѣть подарки: лошадей ли съ полной сбруей, халаты ли, и какихъ цвѣтовъ, какой матеріи, на мѣху или безъ него; чалмы бухарцы сами считаютъ для насъ неудобнымъ костюмомъ; но предоставляютъ намъ самимъ назначить какъ цвѣтъ ихъ, такъ и матерію. Сверхъ всего этого просили насъ доставить списки въ порядкѣ нашего офиціальнаго положенія. Списки мы заготовили; что же касается до выбора подарковъ, то мы удержались, предоставивъ это самому эмиру и прибавивъ, что мы считаемъ себя не въ правѣ дѣлать выборъ подарковъ, а будемъ довольны всѣмъ. Вечеръ прошелъ въ длинныхъ переговорахъ; а между тѣмъ, тѣнь сомнѣнія въ насъ была брошена; мы недоумѣвали на счетъ этой излишней любезности, а хотѣлось вѣрить, что дѣйствительно имѣется предположеніе отправить насъ.

Намъ нужно было сдѣлать кое-какія покупки; наши порученія обыкновенно исполнялъ сынъ дуванъ-беги. На другой день послѣ переговоровъ относительно подарковъ, мы замѣтили сыну дуванъ-беги, что мы надѣемся быть скоро на базарѣ и поэтому купимъ сами, что поручали ему; мальчишка отвѣчалъ намъ, что мы не скоро еще выѣдемъ. Наше убѣжденіе въ скоромъ отъѣздѣ было такъ велико, что мы эти слова приняли

за желаніе пріобрѣсти что-нибудь отъ нашихъ порученій; но вечеромъ въ тотъ же день нашъ Мамашеріфъ, потребованный къ шихаулу, пришелъ къ намъ блѣдный, разстроенный и едва могъ пробормотать: «яманъ-хабаръ», т. е. дурныя новости. На силу мы его успокоили и узнали, что шихаулъ объявилъ объ отъѣздѣ эмира въ Карши.

Нужно замѣтить, что во время путешествія нашего изъ Ташкента въ Бухару, намъ говорили, что эмиръ собирался ѣхать въ Карши, но изъ-за насъ отложилъ эту поѣздку. Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Бухару до насъ дошла вѣсть, что эмиръ не поѣдетъ въ Карши, не отправивъ насъ; поэтому, поѣздка въ Карши въ настоящее время означала наше задержаніе, о которомъ намъ никогда никто не говорилъ. Мы жили надеждой каждый день уѣхать. Ясно, что происходило что-то неблагопріятное для насъ. Эмиръ поѣхалъ на богомолье къ святому Богадуру, котораго наши обрусѣлые мусульмане называли Николаемъ Чудотворцемъ, а къ намъ привели киргиза въ жалованномъ красномъ халатѣ, въ снѣжно-бѣлой чалмѣ; киргизъ этотъ пришелъ съ большой свитой и объяснилъ намъ, что онъ пріѣзжалъ отъ генерала Черняева и теперь, отправляясь обратно, присланъ къ намъ эмиромъ, чтобы видѣть насъ своими глазами. Свиданіе съ этимъ человѣкомъ, котораго никто изъ насъ не зналъ и поэтому всѣ смотрѣли недовѣрчиво, было весьма непродолжительно. Мы просили ска-

зать, что у насъ хвораютъ люди, что мы нуждаемся въ чаѣ, сахарѣ, табакѣ и въ медицинской помощи. Хотѣли было писать, но этого намъ не дозволили. Киргизъ Кара-Куза ушелъ, повидавшись коротко и съ нашими джигитами, которые его узнали. Затѣмъ къ намъ привели другаго джигита, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Кара-Кузомъ, — татарина Гасейна. Гасейнъ оказался вольнодумцемъ, какъ человѣкъ, рѣзко выражавшійся противъ эмира за то, что онъ задержалъ насъ. Поэтому эмиръ счелъ нужнымъ посадить его къ намъ, а Кара-Куза наградилъ краснымъ халатомъ и бѣлой чалмой и отправилъ назадъ. Гасейна мы встрѣтили во дворѣ и, обрадовавшись ему, какъ первому пріѣзжему изъ Ташкента, ввели къ себѣ, чтобы разспросить о положеніи вещей, которыя были для насъ совершенно неизвѣстны. Мы узнали слѣдующее: генералъ Черняевъ не получалъ отъ насъ никакихъ извѣстій, между тѣмъ въ Ташкентѣ распространился слухъ о нашей казни; поэтому онъ послалъ двухъ джигитовъ съ подарками къ дизакскому беку, Якубъ-беку, и къ эмиру, съ письмами къ обоимъ: къ первому, чтобы онъ не задерживалъ посланныхъ, а къ эмиру, чтобы узнать о насъ. Въ письмѣ къ эмиру было выражено требованіе отправить насъ въ Ташкентъ и изумленіе въ нашей задержкѣ. Вѣроятно, было предположеніе, вслѣдствіе полученія этого письма, насъ отправить, почему спросили насъ, какіе мы желаемъ имѣть подарки; но потомъ

почему-то передумали. Какъ бы то ни было, эмиръ вернулся съ богомолья и отправился въ Карши, но повернулъ съ дороги въ Самаркандъ. Съ эмиромъ поѣхалъ и шихаулъ; мы поступили подъ веденіе зиккичи или главнаго сборщика податей.

Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ. Утромъ, едва мы успѣли встать съ постелей, къ намъ вошелъ почтенный старикъ съ нѣсколькими другими лицами. Старикъ надѣлъ на глаза очки, развернулъ бумаги и сталъ читать наши имена, искажая ихъ страшнымъ образомъ. На насъ смотрѣли, какъ на вещи, и, принявъ насъ головами, такъ же исдавали. Сцена эта была возмутительна, почему мы просили старика прекратить ее. Онъ былъ такъ любезенъ, что продолжалъ дѣлать перекличку уже не въ нашей комнатѣ, а ходилъ изъ одной комнаты въ другую и свѣрялъ наличность нашу съ спискомъ. Люди, бывшіе при шихаулѣ, всѣ перемѣнились. Старикъ помѣстился вмѣсто шихаула, и всѣ распоряженія касательно насъ получались отъ зиккичи, къ которому каждый день старикъ ходилъ съ рапортомъ.

Съ перваго же дня намъ объявили, что мы можемъ требовать все, чего желаемъ. Мы попросили фазановъ; намъ обѣщали и, разумѣется, не дали. Но содержаніе наше значительно улучшилось: намъ все отпускалось въ обиліи и доброкачественное. Только надзоръ за нами сдѣлался гораздо строже. Къ намъ никто не приходилъ; даже производившійся рядомъ съ нашей квартирой

верблюжій бой былъ переведенъ въ другое мѣсто, потому что на заборы садились зрители, да и наши люди взлѣзали на деревья. Жизнь наша стала еще скучнѣе. Мы уже не разсчитывали на скорый отъѣздъ; люди наши хворали по-прежнему и въ началѣ декабря умеръ одинъ казакъ. Натура крѣпкая и могучая не выдержала. Долго онъ перемогался; едва успѣлъ оправиться отъ сильной простуды, какъ сталъ выходить въ своемъ легкомъ халатѣ. Нѣсколько дней больной былъ уже безъ чувствъ и ночью умеръ незамѣтно ни для кого. Часовой казакъ, ходившій по двору всю ночь, слышалъ стоны и подавалъ больному пить; затѣмъ все смолкло и больнаго не стало. Это событіе подѣйствовало на всѣхъ насъ тяжело. Въ холодъ, при дурномъ помѣщеніи, съ нами со всѣми могло то же случиться; помощи не было никакой, кромѣ гомеопатической аптеки, въ цѣлебное свойство которой вѣровали только больные, видя въ ней помощь отъ своихъ недуговъ. Едва мы узнали о смерти казака, какъ послали за старикомъ, нашимъ приставомъ, объяснивъ ему, что покойника слѣдуетъ похоронить по христіанскому обряду, для чего мы желаемъ проводить тѣло до назначеннаго мѣста, гдѣ мы предадимъ его землѣ, и желаемъ, чтобы надъ этимъ мѣстомъ былъ водруженъ крестъ, и чтобы оно было обнесено оградой. Если же этого сдѣлать нельзя, то мы просимъ отправить покойника въ Ташкентъ для преданія тѣла землѣ, по уставу пра

вославной церкви. Старикъ нашъ тотчасъ же отправился съ докладомъ объ этомъ къ зиккичи, который, въ свою очередь, послалъ гонца въ Самаркандъ испросить разрѣшеніе эмира. Въ ожиданіи разрѣшенія мы заказали гробъ, сдѣлали на крышкѣ его изъ бѣлаго коленкора крестъ, на который нашили мишурный галунъ, и поставили въ углу двора въ раскинутую палатку, въ которой назначенъ былъ денной и ночной караулъ изъ нашихъ казаковъ. Черезъ три дня пришло разрѣшеніе отъ эмира отправить гробъ въ Ташкентъ: похоронить въ Бухарѣ не было дозволено. Мы купили 20 ф. ваты и укутали ею тѣло, чтобы оно не билось въ дорогѣ, вложили въ гробъ короткую записку на французскомъ языкѣ, гдѣ писали о нашемъ положеніи и написали по-русски письмо военному губернатору, извѣщая его о смерти казака. Ни записка, ни письмо не дошли по назначенію; гробъ былъ вскрытъ, и записка изъ него вынута, а письмо не отправлено. Мы узнали объ этомъ передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Бухарскаго ханства, а до того времени ожидали какого-нибудь отвѣта.

По возвращеніи нашемъ въ Ташкентъ намъ сказывали, что наши войска и всѣ власти были въ Чиназѣ, когда узнали, что изъ Бухары везется гробъ съ тѣломъ одного изъ русскихъ. Посланные навстрѣчу нашли гробъ, поставленный на землю; людей никого не было. Предполагая, что покойникъ одинъ изъ офице-

ровъ, гробъ съ церемоніей ввезли въ Чиназъ, всѣ войска для этого были собраны на парадъ; открыли крышку гроба и увидѣли совершенно незнакомое лице. Пребываніе наше подъ надзоромъ зиккичи отличалось нѣсколько бо́льшею свобо́дою дѣлать покупки; въ это время мы успѣли купить необходимое, какъ-то шубы и теплыя шапки для нашихъ людей; сахаръ (потому что взятый съ собой изъ Ташкента уже выходилъ), чай и пр. Табакъ и сигары также были израсходованы; мы купили кальянъ и тянули изъ него бухарскій табакъ. Но этимъ правомъ мы пользовались не долго. До свѣдѣнія эмира дошло, что намъ дѣлается послабленіе; нашъ старикъ былъ смѣненъ, и вмѣсто него назначенъ джура-баши, или начальникъ почтарей, которые помѣщались на первомъ дворѣ и часто ходили къ намъ. Почтари каждый день отправлялись въ Самаркандъ и каждый день пріѣзжали оттуда, тѣмъ не менѣе до насъ не доходилъ никакой слухъ.

Подходило Рождество, у насъ было оставлено нѣсколько сигаръ, стеариновыя свѣчи и бутылка вина. Этимъ мы отпраздновали праздникъ. 31 декабря погода была восхитительная, термометръ показывалъ 15° выше нуля, почему мы въ однихъ сюртукахъ завтракали во дворѣ подлѣ нашей комнаты. Днемъ вывѣрены были часы съ астрономическою точностью; вечеромъ въ $11^1/_2$ часовъ мы сѣли ужинать, а ровно въ 12 часовъ, по-

здравя другъ друга и пожелавъ выбраться поскорѣе изъ Бухарскаго ханства, улеглись спать.

Наши фонды то поднимались, то опускались. Мы какъ-то узнали, что эмиръ, недовольный тѣмъ, что шихаулъ дурно насъ содержалъ, смѣнилъ его и назначилъ на низшій постъ. Отъ насъ отобрали ковры, халаты и все принадлежащее шихаулу, и замѣнили это другимъ.

Январь былъ довольно холоденъ, но не долго: дни становились длиннѣе, хотя на югѣ не бываетъ особенно длинныхъ ни дней, ни ночей. Въ карты мы стали играть менѣе—онѣ намъ надоѣли. Между тѣмъ, невольники персы иногда сообщали намъ новости. Нужно замѣтить, что система шпіонства развита въ Бухарѣ до совершенства. Чтобы персы, не чувствующіе симпатіи къ бухарцамъ, не могли проговориться намъ въ чемъ-нибудь, ихъ для чистки нашихъ дворовъ всегда посылали вмѣстѣ съ сартами. Иногда, впрочемъ, они успѣвали намъ передавать кое-что. Такъ, они сказали намъ, что пришелъ караванъ, при которомъ были и русскіе, что генералъ Черняевъ идетъ съ войскомъ на эмира, объявляя жителямъ, что онъ не имѣетъ противъ нихъ ничего враждебнаго. Хотя эти вѣсти передавались вскользь, хотя мы не знали, въ какой мѣрѣ можемъ имъ довѣрять, тѣмъ не менѣе они немного разнообразили нашу жизнь и давали новый матеріалъ для нашихъ разговоровъ.

Дни становились теплые, и въ началѣ февраля начали распускаться тутовыя деревья. 6 го февраля мы осѣдлали лошадей и поѣхали кататься по двору кругомъ бассейна. Нашъ джура-баши прибѣжалъ къ намъ въ комнаты, за нимъ Мамашерифъ. Ожидая какого-нибудь событія, мы проворно слѣзли съ лошадей и узнали, что только-что пріѣхалъ гонецъ изъ Самарканда съ извѣстіемъ, что эмиръ требуетъ насъ къ себѣ, съ тѣмъ, чтобъ отправить въ Ташкентъ. Не успѣли мы хорошенько поразспросить о всѣхъ подробностяхъ этой пріятной и давно ожидаемой новости, какъ пришелъ чиновникъ отъ зиккичи, тотъ самый, который приходилъ переписать желающихъ возвратиться въ Ташкентъ. Чиновникъ этотъ подтвердилъ слышанное уже нами извѣстіе. «Когда же мы ѣдемъ?»—«Сейчасъ.» —«Нельзя ли завтра?»—Послали спросить зиккичи, и онъ отвѣчалъ, чтобы намъ отправиться немедленно; если мы не можемъ уложить наши вещи, то ихъ вышлютъ вслѣдъ за нами. Мы должны спѣшить, потому что отъ эмира дано приказаніе — въ пятницу доставить насъ въ Самаркандъ; слѣдовательно, мы должны быть въ дорогѣ три дня. Мы начали укладываться, а между тѣмъ народъ къ намъ валилъ съ улицы. Пока еще мы были спокойны, то показали чиновнику въ трубу луну. Народу было очень много, и насъ торопили. Чиновникъ сказалъ, что мы поѣдемъ въ арбахъ (особомъ экипажѣ на двухъ высокихъ колесахъ), по-

тому что дороги весьма грязны, и намъ неудобно будетъ ѣхать верхомъ; мы упирались на то, чтобъ ѣхать верхомъ. Принесли войлокъ для того, чтобъ завернуть наше оружіе; но мы сказали, что съ оружіемъ никогда не разстаемся: мы съ оружіемъ выѣхали изъ Ташкента, съ оружіемъ проѣхали до Бухары, съ оружіемъ представлялись эмиру, поэтому намѣрены съ оружіемъ отправиться и назадъ. Какъ будто это и помогло; потому что перестали настаивать на томъ, чтобъ мы сложили наше оружіе. У одного изъ насъ унесли шашку; но когда мы замѣтили это, то получили ее обратно. Происходило что-то необыкновенное, въ чемъ мы не могли дать себѣ отчета. Народу было весьма много: всѣ наши дворы были запружены толпой, люди съ зажженными свѣчами стояли въ нашихъ комнатахъ; а чиновникъ отъ зиккичи и другой, съ черной окладистой бородой, съ топорикомъ въ рукахъ, нѣчто въ родѣ полиціймейстера, торопили насъ. Толпа раздѣлилась на кучки и о чемъ-то толковала. Лошади были осѣданы; телѣги стояли на улицѣ у воротъ. Намъ сказали, что все готово, и мы отправились на улицу въ сопровожденіи многихъ; но едва дошли до перваго двора, какъ узнали, что вещи еще не совсѣмъ уложены, почему вернулись и развалились на полъ въ ожиданіи, когда все будетъ готово. Такъ мы пробыли нѣсколько минутъ, какъ одинъ изъ нашихъ отворилъ къ намъ дверь и произнесъ: «у насъ силою

отнимаютъ оружіе.» Съ этими словами мы немедленно поднялись, чтобъ принять какія-нибудь мѣры. Только-что мы отворили дверь нашей сакли и вошли во дворъ, какъ раздался выстрѣлъ, и мы увидѣли изъ ружейнаго дула огненный лучъ, отъ котораго загорѣлись полы халата одного изъ бухарцевъ. Это произошло отъ того, что у нашего казака начали отнимать ружье; казакъ его не отдавалъ, и, во время борьбы, раздался выстрѣлъ, въ которомъ казакъ не могъ дать себѣ яснаго отчета. Ружье было нарѣзное и заряжено конической пулей. Какъ мы узнали потомъ, убило наповалъ одного изъ почетныхъ бухарцевъ и ранило смертельно другаго, который умеръ на слѣдующій день. Вслѣдъ за выстрѣломъ казакъ получилъ сильную рану въ руку, его же шашкой, вынутой, во время борьбы, изъ ноженъ. Едва мы отворили дверь и услышали выстрѣлъ, увидя дѣйствіе его, какъ мои товарищи были отдѣлены отъ меня толпой. У меня былъ за поясомъ револьверъ. Бухарецъ, стоявшій въ двухъ шагахъ отъ меня, бросился на меня, чтобъ взять мой револьверъ, но я, замѣтивъ его движеніе, направилъ это оружіе на него, полагая въ первый моментъ стрѣлять, потомъ сообразилъ, что тутъ борьба будетъ не равная, и что вслѣдствіе этого я погублю и себя, и другихъ, не выигрывая ничего. Я отдалъ револьверъ. Меня тотчасъ же взяли, одинъ человѣкъ за одну руку, другой за другую, и три кинжала повисли надъ

надъ моей головою. Я попробовалъ было обратить вниманіе моихъ товарищей, которыхъ не видалъ въ толпѣ, на то, что происходитъ со мною; но мнѣ весьма ясно показали, что если я буду шумѣть или сопротивляться, то меня убьютъ. Пришлось повиноваться.

Меня вывели изъ маленькаго дворика, провели черезъ дворъ съ бассейномъ, гдѣ стояли наши лошади. Дорогой я слышалъ, какъ вывалился чахолъ отъ револьвера, но поднять его я не могъ. Влекомый, можетъ быть, на закланіе, находясь лицемъ къ лицу со смертью, я не боялся ея: мнѣ было досадно, что если дѣйствительно насъ казнятъ, то я не въ силахъ бороться до послѣдней крайности. Между тѣмъ, укладка нашихъ вещей, приготовленіе арбъ и лошадей показывали, что насъ дѣйствительно везутъ куда-то.

Пройдя дворъ съ бассейномъ, меня привели на передній дворъ. Посреди его меня остановили и осмотрѣли, нѣтъ ли при мнѣ ножа или какого-нибудь другаго оружія. Осмотръ этотъ былъ весьма поверхностный, и когда я сказалъ: «пшякъ джокъ, мултыкъ джокъ», т. е. нѣтъ ни ножа, ни огнестрѣльнаго оружія, то этимъ удовольствовались.

Меня старались успокоить и ласкать; когда я спросилъ, гдѣ мои товарищи, гдѣ посланники: *ильчи кайда?* мнѣ отвѣчали, что мы всѣ отправимся въ Самаркандъ, гдѣ азретъ падша, т. е. великій государь или эмиръ

Ташкентъ. Никогда я такъ не сожалѣлъ о незнаніи персидскаго или татарскаго языка, какъ въ это время. Я понималъ ясно, что опаснаго для насъ ничего нѣтъ, а между тѣмъ мнѣ было непонятно обращеніе со мною. Пока я стоялъ среди двора съ 2 или 3 сартами, ко мнѣ были подведены мулла Мамашерифъ и казакъ изъ нашей свиты. Оба они жаловались, что ихъ побили и спрашивали у меня объясненія; я имъ совѣтовалъ быть терпѣливыми и разсчитывать, что больше побоевъ не будетъ; я просилъ ихъ обратить вниманіе на мое положеніе.

Насъ хотѣли куда-то спрятать, что́ было ясно: люди, бывшіе при насъ, внимательно смотрѣли на темные углы во дворѣ, на сараи и навѣсы, куда и порывались нѣсколько разъ идти съ нами. Мамашерифъ и казакъ были вскорѣ уведены отъ меня, а меня, послѣ нѣкотораго колебанія, повели на улицу. Прежде, чѣмъ войти въ нее, нужно было пройти подъ навѣсомъ воротъ, представлявшимъ родъ корридора шаговъ 15 длиною. У стѣны этого навѣса стояли люди, вооруженные палками, и только-что я появился тамъ съ своими проводниками, какъ ударомъ палки была сбита съ меня шапка; я успѣлъ поднять ее на лету и надѣлъ на голову; другимъ ударомъ она была сбита снова, — я надѣлъ ее поплотнѣй; послѣдовалъ еще ударъ, который не сбилъ шапки, а немного лишь сдвинулъ ее съ головы. Я былъ уже на самомъ порогѣ воротъ, одинъ

шагъ, и я былъ бы на улицѣ; въ этотъ самый моментъ прибѣжалъ запыхавшись нашъ джуры-баши.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе.

Я прежде замѣтилъ, что при насъ вертѣлось двое— чиновникъ отъ зикkичи и полиціймейстеръ съ топорикомъ. Послѣдній былъ при насъ въ то время, когда намъ сказали, что отбираютъ наше оружіе. Съ нимъ вмѣстѣ мы вошли во дворъ. Мои товарищи съ переводчикомъ не отставали отъ полиціймейстера, который энергически разгонялъ толпу и лично защищалъ русскихъ офицеровъ отъ всякихъ обидъ. Оружіе приказано было отдать, и когда приказаніе было исполнено, мои товарищи возвратились въ комнату, гдѣ вскорѣ замѣтили, что меня нѣтъ. Объ этомъ сказали джура-баши, который видимо испугался, предполагая что-нибудь нехорошее со мною, тогда какъ я терпѣливо ждалъ окончанія развязки. Джура-баши стремглавъ бросился искать меня и нашелъ готовымъ переступить черезъ заповѣдный порогъ, гдѣ чернь навѣрное растерзала бы меня. Онъ взялъ меня за руку, плотно прижалъ къ себѣ, быстро повелъ назадъ и, когда мы проходили навѣсъ подъ воротами, повторилъ нѣсколько разъ слово *урмà*, которое, какъ я узналъ послѣ, значитъ *не бей*. Вѣроятно, надо мною поднимались палки.

Въ комнатѣ я засталъ всѣхъ нашихъ. Многіе изъ казаковъ и киргизовъ были избиты и ранены; но убитыхъ не было. Моему приходу всѣ обрадовались.

Мы повѣрили, всѣ ли на лице: нѣкоторыхъ не оказалось. Намъ сказали, что они на улицѣ при арбахъ. Насъ просили поскорѣе выходить на улицу; полиціймейстеръ поклялся торжественно своею бородою, что съ нами ничего не произойдетъ и что мы ѣдемъ въ Самаркандъ. Мы вышли въ сопровожденіи его, джурабаши и многихъ другихъ на улицу, гдѣ размѣстились по телѣгамъ. Наши люди подходили къ намъ окровавленные, съ разбитыми лицами; мы размѣстились по телѣгамъ. Телѣги, въ которыхъ должны были ѣхать посланники, а съ ними и я, стояли довольно далеко. Мы усѣлись. На улицахъ было тихо и спокойно; кромѣ сопровождавшихъ насъ офиціальныхъ лицъ, никого не было. Насъ повезли. Подъѣзжая къ цитадели, мы на площади увидѣли рядъ нашихъ арбъ, гдѣ были два офицера и всѣ казаки и джигиты. Въ двухъ нашихъ арбахъ ѣхали посланники и я съ прислугою. Что бы значила эта остановка? Не хотятъ ли нашихъ людей куда припрятать? Намъ объяснили, что ихъ повезутъ въ Самаркандъ, и что мы съ ними до этого города не увидимся. Мы выѣхали за городъ и, миновавъ ворота, проѣхали двѣ или три версты, какъ гонецъ изъ Бухары вернулъ насъ назадъ. Зачѣмъ? Обратное путешествіе было довольно томительно; сильная грязь испортила дороги, и мы подвигались весьма медленно; поэтому довольно долго не знали, чѣмъ объяснить это возвращеніе. Съ одной стороны увѣреніе, что мы ѣдемъ

домой, съ другой — нашъ поспѣшный отъѣздъ, наше обезоруженіе и, наконецъ, возвращеніе, сбивали насъ въ нашихъ мысляхъ. Вотъ подвезли насъ къ городскимъ воротамъ. Какой-то сартъ въ бѣлой чалмѣ— признакъ, что онъ принадлежитъ къ почетнымъ лицамъ,— попросилъ насъ показать ему наши руки; мы исполнили его просьбу. Съ рукъ нашихъ сняли перчатки и, когда увидѣли, что всѣ руки въ исправности, то спросили, гдѣ же тотъ, у котораго нѣтъ пальцевъ на рукѣ? Мы догадались, что дѣло идетъ объ одномъ изъ уральскихъ казаковъ, у котораго не было нѣсколькихъ пальцевъ. Мы могли на это отвѣчать, что не знаемъ, гдѣ этотъ человѣкъ, и затѣмъ повернули опять наши арбы и поѣхали по направленію въ Бухару. Насъ везли довольно тихо. Сѣвъ наскоро въ арбу, мы не взяли съ собой ни подушекъ, ни тюфяковъ, почему и сидѣть было не совсѣмъ удобно. Часа въ два или три ночи мы пріѣхали въ какую-то деревню, гдѣ остановились, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ. Мы вошли въ указанное для насъ помѣщеніе, которое представлялось весьма невзрачнымъ. Это была конюшня и конюшня не вычищенная. Разбирать было некогда, мы размѣстились на полу; намъ предложили скверная зеленаго чаю, который, не смотря на сильную жажду, мы не могли пить. У насъ на козлахъ сидѣлъ красный халатъ въ бѣлой чалмѣ; мы обратились къ нему съ просьбой достать намъ нѣкоторыя

изъ нашихъ вещей, необходимыя для дорогй. Онъ было не соглашался; но другой въ пестромъ халатѣ, ѣхавшій верхомъ, находилъ возможнымъ снабдить насъ тѣмъ, что мы просили. Послѣ непродолжительнаго сбора, предложили намъ написать на запискѣ все, что намъ нужно, говоря, что мы въ скоромъ времени получимъ все. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ часъ мы имѣли все то. что было поименовано въ запискѣ; изъ этого мы заключили, что наши товарищи ѣдутъ за нами. Съ помощію присланныхъ вещей мы устроили нѣсколько удобнѣе наше помѣщеніе въ арбахъ и затѣмъ отправились далѣе. Слѣдующій переѣздъ былъ не длиненъ и за нимъ снова остановка въ деревнѣ, по пріѣздѣ въ которую мы нашли одного изъ нашихъ казаковъ. Этотъ казакъ разсказалъ намъ, что онъ былъ во дворѣ у лошадей. когда раздался выстрѣлъ, ударили на улицѣ въ барабаны, что́ было сигналомъ, чтобъ начать бить нашихъ людей. Желая избавиться отъ побоевъ и боясь смуты, казакъ взлѣзъ на плоскую крышу и вскорѣ заснулъ. Проснувшись, не слыша шума и не видя никого во дворѣ, онъ тихонько сползъ съ крыши и прокрался во дворъ — лошадей нѣтъ, заглянулъ къ намъ во дворъ — тоже пусто. Тогда онъ пошелъ въ домикъ къ нашему приставнику, который весьма обрадовался этому визиту, и отправился съ казакомъ къ зиккичи, который приказалъ дать ему лошадь и проводника и догонять насъ.

На этой станціи мы заснули: сонъ подкрѣпилъ и освѣжилъ насъ. На восходѣ солнца насъ разбудили, и мы поѣхали далѣе. Казакъ поѣхалъ верхомъ; но вскорѣ его присоединили къ нашимъ людямъ, ѣхавшимъ нѣсколько поодаль. Дороги были страшно испорчены; грязи было много, почему наши проводники начали сомнѣваться въ возможности въ пятницу привести насъ въ Самаркандъ. Пріѣхавъ въ Маликъ, мы узнали, что и остальные наши люди тамъ же, только помѣщены въ другомъ дворѣ. Мы попросили доставить къ намъ наши чемоданы, которые были для насъ необходимы. А такъ какъ намъ говорили, что мы тотчасъ по пріѣздѣ въ Самаркандъ будемъ представлены эмиру, то это позволяло намъ настоятельнѣе просить нашихъ вещей, въ числѣ которыхъ были наши парадное платье. Разрѣшеніе было дано. Къ намъ пришли наши товарищи. Почти всѣ были у насъ; офицерамъ и муллѣ Мамашерифу дозволено было повидаться ненадолго съ нами, остальные являлись подъ разными предлогами.

Наши товарищи объяснили намъ движеніе нашихъ войскъ подъ Дзакъ и объ открытіи военныхъ дѣйствій. Народъ разсчитывалъ на возможность успѣха, зная превосходства силъ бухарскихъ передъ русскими, и былъ разъяренъ. Многіе фанатики говорили нашимъ людямъ, что ихъ ожидаетъ въ Самаркандѣ казнь, или показывали выразительные жесты, проводя, напримѣръ, ру-

кой по горлу. Къ чести нашей нужно сказать, что никто изъ насъ не упалъ духомъ.

Свиданіе наше было не долго и до Самарканда мы уже не видѣлись, хотя наши двѣ арбы ѣхали немного впереди противъ остальныхъ. Во всѣхъ деревняхъ и городахъ для насъ отводили различныя помѣщенія.

Теперь намъ стала ясна сцена въ Бухарѣ. Едва наши войска перешли Сыръ-Дарью, какъ къ генералу Черняеву явились посланники отъ эмира съ вопросомъ, куда и зачѣмъ идутъ войска? Генералъ Черняевъ отвѣчалъ, что онъ идетъ за посланными имъ офицерами, отъ которыхъ три мѣсяца не получаетъ никакихъ извѣстій и о положеніи которыхъ идутъ самые тревожные слухи. На это посланные эмиромъ отвѣчали, что русскіе будутъ въ скоромъ времени возвращены и просили подождать.

На безводномъ пространствѣ, между Чиназомъ и Дзакомъ, не гдѣ было останавливаться; поэтому генералъ сказалъ, что онъ идетъ до первой воды и будетъ тамъ ожидать насъ, не предпринимая военныхъ дѣйствій противъ Бухаріи. Такъ онъ и сдѣлалъ. Первая встрѣтившаяся вода была на Ушь-тюбе, подъ Дзакомъ, бекомъ котораго былъ выдаваемъ, въ теченіе трехъ дней, фуражъ для лошадей.

Когда фуража не стало, отъ войска былъ посланъ небольшой отрядъ на фуражировку; завязалась между этимъ отрядомъ и бухарцами перестрѣлка, и рѣшено

было русскими отступать. Между тѣмъ, при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Сыръ-Дарью, за нами послали въ Бухару. Насъ велѣно было везти скорѣе и, по свойственной азіятцамъ хитрости, намъ не сказали о движеніи нашихъ войскъ. Было ли желаніе эмира, чтобы мы ѣхали въ арбахъ и были обезоружены, или такъ распорядился, отъ избытка усердія, зиккичи,—намъ не извѣстно. Тѣмъ не менѣе мы, изолированные отъ всего, лишенные возможности писать и не видя никого, не получая никакихъ извѣстій, не знали о началѣ военныхъ дѣйствій. Жители Бухары насъ также не видѣли три мѣсяца и, считая насъ на все способными и зная о вступленіи нашихъ войскъ въ бухарскіе предѣлы, полагали, что и мы въ силахъ будемъ бороться противъ цѣлаго населенія. Видя, что мы не желаемъ отдать оружіе, стали отнимать его силою; раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе чего на улицѣ ударили тревогу, народъ хлынулъ къ намъ во дворъ, поколотили всѣхъ бывшихъ на улицѣ, и насъ спасли только офиціальныя лица. Нѣкоторые привязывали нашихъ людей къ арбамъ, стояли сами подлѣ нихъ и говорили другимъ, что они получили невольника, котораго защищаютъ.

Власти очень легко могли справиться съ народомъ; поэтому, если бы они намъ сказали откровенно весь ходъ дѣла, тогда не было бы печальнаго, трагическаго происшествія, кончившагося смертью двухъ человѣкъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эмиръ былъ напуганъ движеніемъ нашихъ войскъ, почему немедленно послалъ за нами и приказалъ везти насъ какъ можно поспѣшнѣе. Но наши войска не могли долго стоять подъ Дзакомъ; мы же, по случаю испортившихся дорогъ и большой грязи, ѣхали медленно и пріѣхали въ Самаркандъ 13 февраля, тогда какъ 10 февраля наши войска отступили изъ-подъ Дзака. Если бы войска могли простоять пять дней лишнихъ, или если бы мы могли пріѣхать скорѣе, тогда мы четырьмя мѣсяцами ранѣе были бы среди своихъ, и на четыре мѣсяца сократился бы срокъ нашего плѣна.

Переѣздъ въ Самаркандъ. — Тюрьма. — Переговоры. — Новое помѣщеніе. — Бухарскіе сановники.

—

До Самарканда мы ѣхали въ арбахъ. Рядомъ съ нами постоянно скакали, на нашихъ же лошадяхъ, всадники, попадавшіеся намъ на дорогѣ: они хлопотали о томъ, чтобы мы ѣхали безъ остановокъ. Люди, бывшіе при насъ, смѣнялись раза два или три. Каждый бекъ большаго города, лежащаго на пути, высылалъ своихъ людей, которые конвоировали насъ. Въ Катты-Курганѣ мы останавливались тамъ же, гдѣ и въ передній путь. На полу были разостланы ковры, угощеніе было обильное и даже самъ бекъ приходилъ посмотрѣть на насъ.

Дорогой мы встрѣчали воиновъ эмира, отличавшихъ я отъ мирныхъ гражданъ тѣмъ, что они были вооружены. Изрѣдка попадались и форменные костюмы: красный однобортный кафтанъ выше колѣна съ мѣд-

ными пуговицами. Встрѣчались сѣдые рыцари, при которыхъ ѣхали оруженосцы со щитами, въ кольчугахъ и проч. вооруженіи, совершенно непригодномъ противъ штуцерныхъ пуль. Передъ нами только-что провезли артиллерію эмира, который собиралъ всѣ свои силы противъ нашихъ войскъ. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ эмиръ былъ сильнѣе всѣхъ средне-азіятскихъ владѣтелей; теперь онъ встрѣчаетъ новаго непріятеля, у котораго стройная армія, у котораго удобоподвижныя орудія, и который въ короткое время уничтожилъ болѣе половины коканскаго ханства. Противъ этого непріятеля нужно собрать всѣ силы, и борьба съ нимъ, разумѣется, должна быть серьезная.

Приставленные къ намъ люди были весьма любезны, только никого къ намъ не допускали подъ предлогомъ, чтобы насъ не безпокоили. Мы ѣхали довольно удобно и не торопились. Вставали утромъ часовъ въ шесть или семь, пили чай и потомъ садились въ арбы. Ѣхали до двухъ или трехъ часовъ; иногда останавливались завтракать и тогда нѣсколько дольше были въ пути. Вообще наши остановки зависѣли отъ встрѣчаемыхъ на дорогѣ жилыхъ мѣстъ и постоялыхъ дворовъ. Грязь и дурныя дороги, испорченныя проходомъ артиллеріи, много задерживали насъ. Съ нами было три арбы, изъ которыхъ только одна была съ нашими вещами; въ остальныхъ двухъ мы были размѣщены такъ же, какъ и при выѣздѣ нашемъ изъ Бухары.

Въ какомъ-то городѣ одинъ изъ властей явился къ намъ, плохо говоря по-русски. Одѣтъ онъ былъ въ полную форму — въ красный пожалованный эмиромъ халатъ и съ саблею въ золотой оправѣ.

Въ одномъ мѣстѣ, кажется, въ Даулѣ, мы остановились позавтракать. Сакля была весьма грязна и тѣсна. День былъ теплый, поэтому мы размѣстились на дворѣ на разостланныхъ коврахъ. Черезъ низкій заборъ кто-то изъ проходящихъ по улицѣ фанатиковъ пустилъ въ насъ комкомъ глины, который пролетѣлъ мимо. Объ этомъ обстоятельствѣ мы сказали нашему проводнику, который тотчасъ послалъ на улицу людей унимать шалуновъ, и мы услышали какъ палочные удары посыпались на праваго и виноватаго. Все это показывало, что насъ уважаютъ, желаютъ избавить отъ всякихъ обидъ и благополучно доставить до Самарканда.

Около Самарканда намъ попался отрядъ, впереди котораго, на прекрасномъ аргамакѣ, ѣхалъ старикъ въ синемъ суконномъ халатѣ, имѣя заткнутую за чалму бумагу. Намъ объяснили, что бумага везется къ эмиру, но о чемъ — не сказали.

Вообще намъ ничего не говорили о движеніи нашихъ войскъ.

Около полудня 13 февраля мы въѣхали въ Самаркандъ. Прежнее наше помѣщеніе, въ городскомъ предмѣстьѣ, мы миновали; насъ повезли по узкимъ улицамъ и остановились на площади у воротъ цитадели, обне-

сенной высокою глиняною стѣною. На улицѣ мы встрѣтили бывшаго у шихаула въ услуженіи перса, который привѣтливо намъ поклонился. Площадь была наполнена народомъ, явившимся посмотрѣть на насъ. Народъ не выражалъ къ намъ ни сочувствія, ни непріязни. Полиція, съ палками въ рукахъ, разгоняла тѣхъ, которые стояли близко, чѣмъ давала просторъ для нашего проѣзда. Вызвали сидѣвшаго у насъ на арбѣ нашего человѣка изъ татаръ. Онъ, бѣдный, поблѣднѣлъ со страха, не понимая, куда и зачѣмъ его требуютъ. Мы подождали минутъ пять, не будучи въ состояніи объяснить себѣ ни остановки передъ цитаделью, ни вызова нашего человѣка. Не долго было это недоумѣніе. Насъ попросили встать и идти. Оставивъ всѣ вещи въ арбахъ и при нихъ нашихъ людей, мы вошли во дворъ, имѣвшій посрединѣ бассейнъ, обсаженный высокими деревьями; въ глубинѣ двора видно было высокое зданіе съ широкими каменными ступенями. Это былъ, какъ мы потомъ узнали, дворецъ самаркандскаго бека. Мы повернули направо, прошли какимъ-то корридоромъ и вступили въ другой дворъ, весь мощеный камнемъ; пройдя подъ навѣсомъ, мы вышли на третій дворъ, имѣвшій шесть шаговъ въ длину; посреди его была яма для спуска нечистотъ. Прямо отъ входа была маленькая, низкая комната, въ которую насъ помѣстили. Пока выносили изъ арбъ наши вещи, пріѣхали и прочіе наши спутники. Двоихъ офицеровъ ввели къ намъ и

помѣстили въ другой комнатѣ направо отъ входа, составлявшей съ первой прямой уголъ. Эти комнаты не плотно примыкали одна къ другой. Вторая комната была немного побольше нашей, имѣла двѣ двери во дворъ, но ни одного окна. Противъ нея, налѣво отъ входа, были какія-то мрачныя, тѣсныя конуры. Дверь въ большой дворъ была заперта. У насъ сидѣлъ персъ, молодой человѣкъ, привѣтствовавшій насъ по-военному и разсказавшій намъ, что онъ былъ въ Персіи богатымъ человѣкомъ, что туркмены взяли его въ плѣнъ, продали бухарцамъ, и онъ поступилъ въ невольники къ самаркандскому беку. Уже онъ былъ выкупленъ одинъ разъ, уѣхалъ на родину, снова попалъ въ плѣнъ и снова поступилъ въ неволю. Ибрагимъ—имя этого перса—постоянно выказывалъ къ намъ сочувствіе и дѣлился новостями, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Наши товарищи по заключенію пробыли съ нами нѣсколько минутъ, и ихъ попросили войти въ назначенную для нихъ комнату. Тѣмъ не менѣе, они успѣли намъ разсказать все, что слышали дорогой. Новости эти были весьма интересны. Начались военныя дѣйствія, бухарцы понесли пораженіе, наши отступили. Свѣдѣнія эти были отрывочны, неполны; но они давали намъ обильный матеріалъ для размышленія. Мы увидѣли ясно, что мы въ тюрьмѣ; вспомнили блѣдную, худую фигуру, попавшуюся намъ навстрѣчу при шестишаговый дворъ. Вѣроятно, онъ томился

въ заключеніи, въ которомъ и намъ придется сидѣть неопредѣленное время. Вещи наши вынесли и еще болѣе стѣснили наше тѣсное помѣщеніе.

Пришелъ нашъ старый знакомый Ишанъ-Ходжа опять съ прежней фразой: «какъ ваше здоровье? хорошо ли вы доѣхали?» Намъ было не до шутокъ. Попросили къ намъ милѣйшаго нашего переводчика, хорунжаго Герасимова, и начались переговоры. Ишанъ-Ходжа объявилъ намъ, что наши войска перешли черезъ Сыръ-Дарью и вступили въ бухарскіе предѣлы. Генералъ Черняевъ пострѣлялъ и ушелъ, прогнанный храброй бухарской арміей; теперь его уже нѣтъ. Что-то не такъ. Но ушли наши войска или нѣтъ — этого мы не могли себѣ объяснить. Ишанъ-Ходжа именемъ эмира объявилъ намъ, что, послѣ поступка генерала Черняева, эмиръ не желаетъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній и поручаетъ намъ писать письмо Государю Императору, что мы будемъ освобождены, если русское правительство увѣритъ эмира, что оно сохраняетъ съ нимъ дружбу, существовавшую 500 лѣтъ. Мы отказались писать Государю. «Какъ же вы увѣряете, что вы люди вашего государя, когда не можете ему писать?» *)

---

*) Въ Бухаріи каждый бекъ, каждый сановникъ имѣетъ своихъ людей, которые находятся у него на службѣ, которыхъ онъ вывозитъ, когда самъ въ силѣ, и которые обращаются въ ничто или казнятся, когда сановникъ впалъ въ немилость. Въ Бухаріи было извѣстно,

спросилъ насъ Ишанъ-Ходжа. Мы утверждали, что мы люди нашего государя; но находимъ неприличнымъ писать въ нашемъ положеніи. Тогда предложили намъ писать оренбургскому генералъ-губернатору о томъ, что эмиръ желаетъ жить въ дружбѣ съ Россіей. Ясно было, что, имѣя насъ въ залогѣ, эмиръ хотѣлъ получить гарантію, что русское правительство не будетъ его наказывать за наше задержаніе. Эмиръ струсилъ началомъ военныхъ дѣйствій. При первомъ появленіи нашихъ войскъ въ его предѣлы, онъ послалъ за нами въ Бухару и выдалъ бы насъ, если бы войска не отступили; теперь онъ хотѣлъ снова отдать насъ, но съ тѣмъ, чтобы Россія не мстила за насъ. Онъ видѣлъ силу Россіи, хотя не желалъ въ томъ сознаться, видѣлъ невозможность борьбы, которая разорила бы его.

Мы поняли это, поняли также и то, что благопріятный моментъ можетъ быть потерянъ и тогда явятся новыя требованія, будетъ опять задержка. Мы сказали, что письмо въ Оренбургъ и отвѣтъ на него потребуютъ много времени и что гораздо лучше писать въ Ташкентъ, но это было положительно отвергнуто.

Насъ просили написать, что послѣ дзакскаго дѣла

что мы выѣхали изъ Ташкента, но также было извѣстно, что трое изъ насъ пріѣхали въ Ташкентъ изъ Петербурга по Высочайшему повелѣнію. Оскорбить бѣлаго царя, т. е русскаго Императора, эмиръ не смѣлъ, и поэтому уважали и насъ.

эмиръ не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ генераломъ Черняевымъ и проситъ оренбургскаго генералъ-губернатора исходатайствовать у Государя Императора грамату за государственною печатью, въ которой было бы подтвержденіе дружбы между Россіею и Бухарою. Грамату просили прислать по телеграфу, и когда мы объяснили, что этотъ государственный документъ по телеграфу пересланъ быть не можетъ, и объяснили, какъ могли, что по телеграфу передаютъ только слова, а не бумагу, на которой эти слова написаны, — то Ишанъ-Ходжа согласился, чтобы мы просили отъ генералъ-губернатора удостовѣренія, что военныхъ дѣйствій не будетъ, и обѣщанія, что грамата, удостовѣряющая въ дружбѣ, будетъ выслана немедленно по изготовленіи ея. Затѣмъ онъ желалъ, чтобы Сыръ-Дарья была границей владѣній русскихъ и бухарскихъ.

Мы съ своей стороны просили отправить съ этимъ письмомъ кого-нибудь изъ насъ, упираясь на то, что въ Россіи три мѣсяца нѣтъ отъ насъ никакихъ извѣстій, и что въ настоящее время не повѣрятъ нашему письму, а считаютъ его за подложное или вынужденное обстоятельствами. Намъ хотѣлось выяснить въ Россіи наше положеніе, и мы не находили къ тому другихъ средствъ, какъ послать кого-нибудь изъ насъ же. Сверхъ того, мы просили позволить намъ писать въ Ташкентъ о высылкѣ необходимыхъ для насъ предметовъ, къ которымъ мы привыкли. Сперва Ишанъ-Ходжа

все отвергнулъ и поручилъ только намъ приготовить черезъ часъ письмо къ оренбургскому генералъ-губернатору.

Ишанъ-Ходжа просидѣлъ у насъ довольно долго, ведя эти переговоры: при немъ намъ подали пилавъ, фрукты и чай, и мы просили устроить наше помѣщеніе. Мы желали размѣститься попросторнѣе, желали, чтобы казаки и киргизы также были вмѣстѣ съ нами. Ишанъ-Ходжа обѣщалъ все это устроить. Черезъ часъ онъ снова пришелъ, согласившись на всѣ наши просьбы, вѣроятно, испросивъ на то разрѣшеніе эмира. Письмо не совсѣмъ еще было готово, но мы вскорѣ его кончили. Перейти въ другое помѣщеніе намъ дозволено было, когда мы хотимъ; но мы отложили переходъ этотъ до слѣдующаго дня.

Между тѣмъ, Ишанъ-Ходжа предложилъ намъ вскользь, какъ бы самъ не вѣря, два вопроса, которыми намъ надоѣдали потомъ много разъ. Первый вопросъ былъ: «Кто такой человѣкъ безъ пальцевъ?» Мы отвѣчали, что этотъ человѣкъ безграмотный уральскій казакъ. «Не есть ли онъ какое-нибудь значительное лице?» — «Разумѣется, нѣтъ». Тѣмъ разговоръ и кончился. Другой вопросъ состоялъ въ томъ, «что́ у насъ за труба, и что въ нее видно?» Ишанъ-Ходжа очень хорошо зналъ нашъ телескопъ; но, вѣроятно, окружающіе эмира фанатики сказали что-нибудь необычайное и о казакѣ, и о телескопѣ. Между прочимъ,

Ишанъ-Ходжа спросилъ: «кому принадлежитъ луна?» Была ли эта шутка, или дѣйствительно предполагалъ онъ, что планета принадлежитъ одной изъ сильныхъ державъ: Россіи или Англіи. Азіятца не вдругъ можно разобрать, въ особенности когда разговоръ идетъ черезъ переводчика.

Вечеромъ къ намъ былъ доставленъ и казакъ безъ пальцевъ. Отъ него мы узнали, что казаки и киргизы помѣщены недалеко отъ насъ, а его, не объясняя зачѣмъ, привели къ намъ. Остатокъ дня мы провели вмѣстѣ; насъ уже не стѣсняли переходомъ изъ одной комнаты въ другую. Ибрагимъ постоянно былъ при насъ, а вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ къ намъ заглядывали многіе; нѣкоторые изъ нихъ говорили по-русски. Здѣсь мы увидѣли дворцовую прислугу, скороходовъ съ длинными волосами, съ голыми, толстыми икрами и босыми ногами, на которыя надѣты легкія туфли и короткіе штаны, прикрытые кафтаномъ, не доходящимъ до колѣна. На другой день дверь въ слѣдующій дворъ, подъ навѣсомъ котораго мы проходили въ нашу тюрьму, была открыта; тамъ чистили и подготовляли для насъ.

Дворъ этотъ можно описать такимъ образомъ. Онъ былъ почти квадратный, имѣя шаговъ 30 въ каждую сторону. Восточная сторона состояла изъ длиннаго, но узкаго корридора, раздѣленнаго на три части перегородками, которыя, такимъ образомъ, образовали три комнаты: каждая изъ нихъ имѣла два выхода—одинъ въ

передній дворъ съ бассейномъ, и другой въ нашъ дворъ. Въ крайней изъ этихъ комнатъ, на югъ, помѣщался сынъ бека, исправлявшій въ отсутствіи самого бека его должность. Самаркандскій бекъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею эмира. Средняя комната имѣла дверь противъ двери, черезъ нее носили намъ провизію. Въ другой крайней комнатѣ помѣщались люди, назначенные для насъ. Это было что-то въ родѣ канцеляріи. На противоположной восточной сторонѣ были наши помѣщенія. Противъ бека расположились мы — пять офицеровъ. Комната эта была менѣе бухарской. Она имѣла двѣ двери, изъ которыхъ одна была заперта, потому что подлѣ нея стояла кровать, надъ другой дверью было небольшое отверстіе съ алебастровыми переплетами, заклеенное бумагою. Въ средней комнатѣ помѣстилась наша прислуга — это было что-то въ родѣ буфета. Эта комната соединялась съ нашей и имѣла дверь во дворъ. Другая крайняя комната, рядомъ съ буфетомъ, имѣла двѣ двери во дворъ и одно такое же окно, какъ и у насъ. Въ этой комнатѣ помѣстились казаки. Сѣверная стѣна раздѣляла нашъ дворъ отъ гаремнаго двора; и наша комната примыкала къ гарему. Южная отдѣляла нашъ дворъ отъ маленькаго двора, въ которомъ мы провели первый день. Въ одномъ углу ея была дверь въ корридоръ, черезъ который мы прошли; дверь эта была постоянно заперта, и черезъ щели ея блестѣли глаза любопытныхъ, желав-

шихъ насъ видѣть. Въ другомъ углу, къ комнатѣ казаковъ, была дверь въ маленькій дворъ, въ обѣихъ комнатахъ котораго размѣстились киргизы. Налѣво отъ входа въ этотъ дворъ была устроена наша кухня. За кухней былъ еще чуланъ, имѣвшій сверху отверстіе, прикрытое большимъ камнемъ. Это была тюрьма, обращенная нашими казаками въ баню. Рядомъ съ кухней было небольшое помѣщеніе, весьма грязное, занятое также киргизами.

На сѣверной и южной сторонахъ были устроены навѣсы, подъ которые выходили двери—одна изъ нашей комнаты, другая изъ комнаты бека; а подъ другимъ навѣсомъ была дверь въ казачью комнату. Подъ этимъ навѣсомъ хранились, на вбитыхъ въ стѣну кольяхъ, древки для пикъ, на которыя, какъ намъ хвастались бухарцы, можно посадить 10 человѣкъ, вѣроятно, держась той же теоріи, какъ при ловлѣ воробьевъ, посыпая имъ на хвостъ соли.

Въ дождливую погоду мы подъ навѣсами прогуливались. Дворъ въ срединѣ имѣлъ квадратное углубленіе, ниже всего двора вершковъ на восемь и имѣвшее по сторонамъ аршинъ шесть. Въ срединѣ этого углубленія была глубокая яма, прикрытая камнемъ, образовавшимъ при устьѣ небольшое отверстіе. Такая же яма была и посреди малаго двора.

Въ половинѣ дня мы перешли на новыя наши квартиры; намъ принесли глиняные большіе сосуды для

воды, маленькіе кувшины для омовенія нашихъ мусульманъ, кирпичей для постройки очага, дровъ и въ кожаныхъ мѣшкахъ воды, съ множествомъ насѣкомыхъ. Мы просили отпускать намъ, также какъ въ Бухарѣ, сырые матеріялы, чтобы мы сами могли приготовлять себѣ кушанье, какое хотимъ и когда хотимъ. Все сдѣлано было согласно съ нашимъ желаніемъ, и намъ сказали, что насъ будутъ содержать великолѣпно, пока не получится отвѣтъ изъ Оренбурга, и пока наше правительство отъ насъ не отступится. Если же отъ насъ отступятся, тогда будутъ знать, какъ съ нами поступить.

По всѣмъ приготовленіямъ видно было, что мы останемся надолго въ Самаркандѣ.

Пшанъ-Ходжа приходилъ къ намъ нѣсколько разъ. Написанное генералъ-губернатору письмо, въ которомъ сдѣлана была приписка, что его везетъ прапорщикъ К., Пшанъ-Ходжа унесъ для прочтенія и перевода. Черезъ нѣсколько времени письмо принесено было назадъ, чтобы мы сдѣлали на конвертѣ надпись и запечатали своею печатью. Г. К. было сказано, чтобы онъ былъ готовъ ѣхать; но не объяснили положительно, когда это должно быть — вечеромъ или на другой день утромъ. Прошло съ недѣлю. К. не смѣлъ ничего вынуть изъ своего чемодана; ему предстояло ѣхать черезъ Бухару и степь на фортъ № 1. На всѣ вопросы, когда поѣдетъ К., отвѣчали, чтобы онъ былъ готовъ и кон-

чилось тѣмъ, что онъ не поѣхалъ; а письмо, какъ мы узнали впослѣдствіи, не было отправлено. Первые дни, окруженные шпіонами, не сознавая ясно своего положенія, мы говорили шопотомъ; даже играя въ карты, мы, по привычкѣ, не говорили громко.

На второй или третій день, за стѣной нашей комнаты мы услышали весьма отчетливо разговоръ женщинъ на персидскомъ языкѣ. Призвали муллу, чтобы узнать, не о насъ ли идетъ рѣчь. Одна изъ женщинъ спрашивала другую: «отпускала ли она намъ молока?» Отвѣтъ былъ: «Разумѣется, отпустила, вѣдь они наши гости». Слѣдовательно, насъ все еще считали гостями, и это было сказано въ полной увѣренности, что мы не услышимъ и притомъ женщинами.

Вмѣсто Ишанъ-Ходжи, пришли къ намъ два сановника эмира. Къ намъ они поцеремонились войти прямо, а пришли на маленькій дворъ къ нашему муллѣ, откуда прислали спросить: «могутъ ли они говорить съ нами?» Одинъ изъ нихъ былъ, какъ намъ перевели, чиновникъ особыхъ порученій при эмирѣ. Такихъ чиновниковъ въ ханствѣ всего только четыре; слѣдовательно, это было что-то въ родѣ генералъ-адъютанта, если только можно бухарскія должности и званія перевести на наши.

Собрать карты и покрыть столъ краснымъ сукномъ было дѣломъ минуты. Мы просили пожаловать къ намъ дорогихъ гостей. Сановниковъ было двое; старшій

изъ нихъ съ серебрянымъ подъ чернью топорикомъ въ рукахъ — знакъ его званія, другой безъ всякихъ украшеній; оба въ бѣлыхъ чалмахъ, съ весьма глупыми лицами, а младшій имѣлъ еще что-то плутовское въ выраженіи.

Привѣтствовавъ насъ легкимъ поклономъ, на который мы привстали со стульевъ и кроватей, наши гости сѣли на предложенныя имъ мѣста.

Старшій обратился къ младшему, чтобы онъ началъ съ нами разговоръ. Младшій отвѣчалъ, что это дѣло старшаго. Старшій, въ свою очередь, возразилъ, что товарищъ его лучше умѣетъ говорить. Такіе переговоры продолжались нѣсколько минутъ. Наконецъ, начался разговоръ. Сперва попробовали намъ объявить, что мы военноплѣнные. На это мы горячо протестовали, объяснивъ, что́ называется военноплѣнный, и какъ мы попали въ Бухару. Наши сановники согласились. Спросили: что́ за насъ отдастъ Россія? не уступитъ ли Бухаріи всѣхъ мусульманскихъ земель? Мы засмѣялись,—наши гости сконфузились. «Не отдадутъ ли за ваше освобожденіе Ташкента?» — «Что разъ завоевано русскимъ оружіемъ, то не отдается.» — «Что же за васъ отдадутъ?» — «Ничего.» Подобный разговоръ велся не въ одинъ пріемъ. Наши гости, видно было, получили извѣстную инструкцію, перейти которую не смѣли, и, не вдаваясь, съ своей стороны, ни въ какія заключенія, поднимались съ своихъ мѣстъ и уходили, вѣ-

роятно, за новыми инструкціями. Они приходили снова и возобновляли прерванный разговоръ. На эту тему говорили немного; они, какъ кажется, хотѣли видѣть нашъ взглядъ.

Между прочимъ, они весьма интересовались знать, черезъ сколько времени можетъ придти отвѣтъ изъ Оренбурга. Послѣ дипломатическаго разговора опять начались разспросы о нашемъ казакѣ безъ пальцевъ и о телескопѣ. Мало того, что безграмотнаго казака считали за самое почетное лице между нами, но даже предполагали, не переодѣтый ли онъ англичанинъ. Телескопъ принимали за какую-то необыкновенную штуку, черезъ посредство которой можно видѣть все, что дѣлается въ домахъ, чуть ли не въ головахъ хитрыхъ азіятцевъ.

Мы дали свои объясненія и о казакѣ, и о телескопѣ; сановники какъ будто остались довольны этими объясненіями; но опять вернулись, потребовали казака, сами разспросили его, посмотрѣли трубу, въ которой ничего не могли понять, особенно непонятны были имъ вертикальный кругъ съ дѣленіями, ноніусъ и небольшая труба, черезъ которую смотрятъ на отраженіе солнца въ ртути. Этимъ не кончилось: казака водили къ беку, носили къ нему и трубу, можетъ быть, для того, чтобы провѣрить показанія сановниковъ, посѣщавшихъ насъ.

Разспросы о казакѣ и телескопѣ надоѣли намъ до невѣроятности. Разъ какъ-то тѣ же сановники пришли

къ нимъ и потребовали муллу. Пригласивъ его сѣсть на полъ, они заставили муллу, во имя Бога и Магомета, поклясться въ томъ, что онъ будетъ говорить правду, съ тѣмъ, что если солжетъ, то лишится жизни. Послѣ этого предисловія спросили его: правда ли, что у насъ имѣется такая труба, черезъ которую видно все, что происходитъ внутри домовъ? Мулла поклялся, что онъ не знаетъ у насъ волшебной трубы. Но упрямая и неувѣренность въ томъ, что онъ сказалъ правду, за что онъ можетъ быть казненъ, такъ встревожили простодушнаго мусульманина,—который только годъ какъ [illegible] [illegible] [illegible], сдѣлавшись, по [illegible] Черняева подданнымъ Россіи,—что онъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого слегъ въ постель. Въ бреду горячки онъ просилъ везти его къ русскимъ и удалить отъ бухарцевъ, которые хотятъ его казнить.

[illegible] наши посѣщали насъ нѣсколько разъ. Всякое объясненіе они принимали упрямо и [illegible] весьма небрежно. Однажды, пришедши къ намъ, они просили насъ не тревожиться, потому что [illegible] въ Бухаріи есть обыкновеніе проливать кровь посланниковъ; но если бы они были увѣрены, что мы [illegible] генерала Черняева, то, сказали они, насъ убили бы при этомъ же [illegible] [illegible] были [illegible] въ письмѣ къ эмиру [illegible] бы [illegible] [illegible] въ [illegible]: что [illegible] [illegible] [illegible], то [illegible] такова [illegible], что не [illegible] и [illegible]. Это были не [illegible], не [illegible]

какъ угроза; однако, я приготовилъ себѣ бараній тулупъ и теплую шапку, на случай, если поведутъ въ яму, чтобы, хотя на первое время, было тепло.

Первое время къ намъ довольно часто приходилъ разный народъ. Мы были подъ надзоромъ бекъ-джана *). Ближайшій надзоръ былъ порученъ марахуру **) бека, который имѣлъ помощникомъ бѣглаго башкирца, говорившаго немного по-русски. Сверхъ того, намъ носили воду, провизію и дрова люди, давно не мѣнявшіеся. Средняя дверь была часто отворена: мы видѣли, что въ средней комнатѣ, бывшей какъ бы пріемною бекъ-джана, сидѣли на корточкахъ посѣтители или просители. Нѣкоторые изъ нихъ прорывались иногда къ намъ, но ихъ всегда уводили назадъ. Ибрагимъ часто приходилъ и сообщалъ намъ какія-нибудь новости.

---

*) Бекъ-джанъ что-то въ родѣ любимаго сына. Старшій сынъ Шаралы-бека былъ при дѣйствующихъ войскахъ, слѣдующій правилъ областью и носилъ титулъ бекъ-джана.

**) Марахуръ — должность. Марахуръ эмира есть должность почетная; кажется, сынъ самаркандскаго бека, исправлявшій должность своего отца, былъ марахуромъ эмира. Нашъ старикъ былъ только марахуромъ бека.

[illegible]

женщины и дѣти идутъ на войну, считая религію оскорбленною.

Вѣроятно, не апатичные мусульмане требовали войны, а болѣе вѣроятія, что самъ эмиръ желалъ раздуть въ своемъ народѣ религіозный фанатизмъ.

Эмиръ поѣхалъ рано утромъ; погода была прескверная: шелъ мелкій дождь и было холодно. Пушечный выстрѣлъ изъ орудія въ цитадели и дикая музыка возвѣстили отъѣздъ къ арміи повелителя правовѣрныхъ. Намъ сказали, что если бы не ненастная погода, то насъ вывели бы на улицу, что бы показать намъ побѣдоносную армію. Марахуръ, выставлявшій все бухарское въ блестящемъ видѣ, сознавалъ, что наши орудія лучше бухарскихъ, въ которыя, по его словамъ, запрягаютъ по 40 лошадей, и лафеты которыхъ неподвижны, почему орудія стрѣляютъ только по одному направленію и не могутъ уже его измѣнить.

Съ отъѣздомъ эмира среднюю дверь, черезъ которую носили къ намъ провизію, заперли и замазали глиной. Къ намъ стали ходить черезъ канцелярію. Всѣ двери были постоянно на замкахъ.

Тотчасъ послѣ вечерняго намаза стали появляться на крышахъ люди, которые немилосердо били въ барабаны и не давали намъ спать. Мы просили перевести куда-нибудь, если не людей, то барабаны, чтобы не безпокоить нашего больнаго. Согласно нашей просьбѣ, барабанъ былъ снятъ съ крыши, но вмѣсто того былъ

перенесенъ на передній дворъ, за стѣной комнаты больнаго. Усиленный караулъ былъ поставленъ, разумѣется, для насъ; но намъ объявили, что при отъѣздѣ эмира осталась его казна, которая хранится недалеко отъ насъ, почему ее и берегутъ отъ расхищенія. Къ этимъ барабанамъ мы какъ-то привыкли.

Иногда бекъ-джанъ отворялъ дверь своей комнаты, чтобы посмотрѣть, что́ мы дѣлаемъ, а можетъ быть, чтобы показать насъ своимъ гостямъ. Не желая быть предметомъ любопытства, мы, большею частію, уходили въ это время къ себѣ.

А между тѣмъ, нашему хозяину хотѣлось познакомиться съ нами. Марахуръ, передавъ намъ это, прибавилъ, что бекъ-джанъ самъ пришелъ бы къ намъ, но не смѣетъ безъ разрѣшенія эмира, какъ оффиціальное лице.

Послѣ отъѣзда эмира, къ намъ приходили только: водоносъ два раза въ день, булочникъ по утрамъ, и по утрамъ же приносили провизію, и дрова и на это время отворялась дверь. Старикъ-башкирецъ появлялся каждый день; но онъ не вступалъ въ разговоръ. Марахуръ, закативши глаза кверху, воспѣвалъ величіе своего ханства, могущество своего эмира. Иногда, впрочемъ, и онъ прорывался, говоря, что азретъ-падша ведетъ свое государство на погибель, что онъ гордъ, надменъ и не слушаетъ никакихъ совѣтовъ. При эмирѣ находится бѣглый русскій татаринъ — лице весьма

сильное, который много правды говоритъ эмиру и который, между прочимъ, не совѣтовалъ ему ссориться съ Россіею. Этотъ совѣтъ оставленъ безъ вниманія; но что́ удивительно, — совѣтникъ не лишился жизни, мало этого—не лишился даже расположенія своего повелителя.

Объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ рѣчь впереди.

До насъ доходили слухи то о переговорахъ, то о военныхъ дѣйствіяхъ.

Вскорѣ послѣ выступленія эмира мы узнали, что *талаиры* вернулись. При азіятскихъ войнахъ всегда отправляется пѣшій народъ, вооруженный только палками. Люди эти безпокоятъ, какъ могутъ, непріятеля; разумѣется, съ нашими войсками они ничего не могли сдѣлать и потому вернулись. Эмиръ стоялъ въ Уратюбэ; войска, подъ начальствомъ Шаралы-бека, самаркандскаго бека, были впереди. Такъ до насъ доходили слухи, или передаваемые марахуромъ, или взятые изъ разговоровъ слышанныхъ за стѣной; а иногда Ибрагимъ, котораго перестали къ намъ пускать, поднимался на крышу комнатъ маленькаго дворика, скакалъ во дворъ и наскоро разсказывалъ что зналъ. Ибрагимъ, большею частію, говорилъ о неудачахъ бухарцевъ, марахуръ—старался скрывать всѣ неудачи. Все это разсказывалось нашимъ киргизамъ; иногда, принимая хлѣбъ, успѣвали перебросить нѣсколько словъ съ разнощикомъ.

Пребываніе взаперти намъ страшно надоѣло По-

домовъ. Мы задали себѣ задачу, что̀ будетъ ранѣе: птички ли вылетятъ изъ гнѣзда, или мы выйдемъ изъ цитадели? Прошла недѣля, маленькія горлицы стали замѣтно подростать; мать стала чаще вылетать и дольше оставляла гнѣздо. Прилетитъ-бывало, сядетъ рядомъ съ дѣтьми и начнетъ кормить ихъ изо рта переваренной пищей, отрыгая ее; малютки засунутъ свои головки въ ротъ матери по самое горло. Еще черезъ недѣлю птички стали гораздо больше и начали расправлять свои крылышки; еще недѣля—и онѣ вылетѣли изъ гнѣзда. Одна усѣлась къ намъ на крышу, другая упала изъ гнѣзда. Мы ее подняли и посадили на старое мѣсто. Цѣлый день она просидѣла тамъ,—видно еще мало было силенки; да и другая птичка недалеко отходили съ крыши. Родители и тамъ не оставляли дѣтей, которыхъ къ вечеру старались заманить къ намъ на дворъ и усаживали ихъ подъ навѣсомъ. Въ углубленіи нашего двора мы насыпали рису, котораго много поѣдали дармоѣды воробьи или таскали въ свои норки муравьи. Птички стали улетать на сосѣдній дворъ, ночевали на деревьяхъ, обсаженныхъ кругомъ бассейна; вершины этихъ деревъ были видны изъ нашего двора; потомъ и сами начали поклевывать зерна. Сыпля щедрою рукою рисъ, который получался нами въ избыткѣ, мы должны были, въ скоромъ времени, отказаться отъ этого: разсыпать рисъ считается у мусульманъ величайшимъ грѣхомъ, на томъ основаніи,

что это зерно произошло отъ зуба одного святого. Одинъ благочестивый мусульманинъ лишился зуба. — исторія умалчиваетъ, какимъ образомъ. Воткнувъ его въ землю и поливъ водою, онъ увидѣлъ, что стало выходить изъ земли растеніе, которое дало плодъ и въ немъ было много зубовъ. Этой теоріей мусульмане объясняютъ происхожденіе риса, который они ѣдятъ и не сѣютъ на землю.

Итакъ, наши горлицы подросли и сдѣлались самостоятельными, а мы не двигались съ мѣста. Родители стали искать другого мѣста: мы тотчасъ же устроили имъ гнѣздо подъ другимъ навѣсомъ, вбивъ два кола въ стѣну, положивъ на нихъ доски и постлавъ на доски ваты. Вторая пара скорѣе вылетѣла, потому что погода стала теплѣе, а мы все сидѣли на мѣстѣ. Наконецъ, и третій разъ самка сѣла на яйца въ возобновленное первое гнѣздо: первая пара молодыхъ горлицъ была, кажется, такая же прочь отъ любви. И только послѣ третьей высѣдки мы уѣхали.

Наблюденіе надъ горлицами составляло наше развлеченіе. Прикормили мы также бѣлую собаку, которая жила у насъ на крышѣ. Часто ястребъ леталъ надъ нами, такая птичья головки, кости и куски мяса.

По вечерамъ.—а вечера въ апрѣлѣ и мав были давно хороши,—казаки пѣли пѣсни про злополучную Наташу и бѣлую лошадь. Мы ходили по двору и разсыпались о нашемъ положеніи.

Вскорѣ по отъѣздѣ эмира изъ Самарканда, пріѣхалъ въ этотъ городъ сынъ одного изъ бухарскихъ бековъ, съ подарками къ своему государю. Молодой мальчикъ, переночевавъ въ Самаркандѣ, отправился къ эмиру, который приказалъ ему вернуться въ Самаркандъ и ждать тамъ своего возвращенія. Это давало намъ надежду скоро уѣхать, — надежду, которая не сбылась. Мальчикъ тоже ждалъ, когда его отпустятъ; напоминать эмиру нельзя, нужно ждать, когда онъ самъ вспомнитъ.

Мальчикъ приходилъ къ намъ во дворъ, раза два былъ у насъ въ комнатѣ, приходилъ не одинъ и дичился. Но сблизиться съ нами ему хотѣлось. Онъ началъ къ намъ ходить для повѣрки часовъ, которыхъ мы сами не могли повѣрять. Труба наша возбудила подозрѣніе, и мы не смѣли ее вынуть, почему астрономическій пунктъ Самарканда остался не опредѣленъ. Нѣтъ сановника, который не имѣлъ бы часовъ; часы мусульманинъ считаетъ необходимостью, какъ указатель, когда должно молиться, — но обращаться съ часами не умѣетъ: у одного они безъ стекла, у другаго безъ стрѣлокъ. Мальчикъ скоро къ намъ привыкъ; привѣтливо кланялся намъ, отворивъ дверь изъ комнаты бека, у котораго онъ жилъ; когда мы ходили по двору, то онъ или самъ подбѣгалъ къ намъ, или просилъ подойти къ нему, чтобъ посмотрѣть часы.

Новостей мальчикъ намъ никакихъ не сообщалъ,—вѣроятно, ему было запрещено.

Однажды мы услышали гулъ множества народа на площади. Происходило тамъ что-то необыкновенное. Водоносъ, котораго мы съ нетерпѣніемъ ждали, успѣлъ намъ сказать, что привезли плѣнныхъ русскихъ. Не зная, какъ попались плѣнные, мы были немного встревожены этимъ извѣстіемъ. Всякая неудача въ нашихъ войскахъ должна неблагопріятно отразиться на насъ. Пришелъ марахуръ, завелъ весьма хвастливую рѣчь, въ которую ввернулъ, что привезли 70 плѣнныхъ и мѣшокъ ушей. Ибрагимъ, за которымъ зорко смотрѣли, лежа подъ дверями, успѣлъ черезъ щель подозвать насъ и объяснилъ шопотомъ, что взято только двое плѣнныхъ, которые вышли изъ лагеря на охоту или за камышемъ и были схвачены бухарцами, гарцовавшими кругомъ лагеря. Лагерь нашъ, какъ говорилъ марахуръ, былъ неприступенъ; онъ былъ окопанъ рвами, въ которые пропущена вода изъ Сыръ-Дарьи.

Гонцы довольно часто пріѣзжали изъ арміи, и кое-что до насъ доходило.

Въ апрѣлѣ мы узнали, что въ нашъ отрядъ кто-то пріѣхалъ; сперва объ этомъ сказалъ Ибрагимъ, по частному, вѣроятно, слуху; потомъ съ шумомъ отворились двери въ комнатѣ у бека, и токсоба *), подо-

*) Токсоба — чинъ, который переводятъ полковникомъ.

звавъ нашего переводчика, сказалъ, что въ нашъ отрядъ прибыло какое-то важное лице изъ Петербурга и требуетъ выдачи насъ. Еще прежде этого извѣстія до насъ доходили слухи, что кто-то изъ вліятельныхъ лицъ ѣдетъ изъ Оренбурга. Токсоба разсказалъ всѣ подробности, какъ важное лице пріѣхало на пароходѣ, сколько съ нимъ свиты и пр. — Кто-то пріѣхалъ—ясно, но кто? мы никакъ не могли себѣ объяснить. Впослѣдствіи оказалось, что въ отрядъ прибылъ генералъ Романовскій. До насъ стали также доходить слухи, что генералъ Черняевъ уѣхалъ.

Бухарцы сознавали ясно, что борьба съ Россіей не равна, и, какъ кажется, не сочувствовали эмиру, который не хотѣлъ уступить сильному сосѣду. Первое движеніе нашихъ войскъ подъ Дзакъ надѣлало много шума, особенно напуганы были жители Дзака. Черезъ мѣсяцъ, если не болѣе, мы услышали, что была стычка между нашими и бухарскими войсками; наши преслѣдовали бухарцевъ и стоятъ снова на Ушъ-тюбэ. Вѣроятно, этотъ разсказъ относился къ дѣлу подъ Мурза-раббатъ. Два дня поговорили объ этомъ происшествіи и замолкли. Бухарцамъ вездѣ мерещились русскіе. Мы не могли слѣдить за ходомъ событій. То до насъ доходило новое извѣстіе, то передавали какую-нибудь старую исторію. Часто одинъ разсказъ опровергался другимъ, и почти всѣ были не точны.

Рядомъ съ нами помѣщался гаремъ. Мусульман-

ская женщина не смѣетъ показать мужчинѣ своего лица, тѣмъ болѣе невѣрному христіанину. Но какъ же можно сидѣть рядомъ съ нами и не видѣть насъ! Вѣроятно, эту задачу предлагали для рѣшенія одна другой, не одинъ разъ, наши сосѣдки и рѣшили ее очень просто.

Онѣ поднялись на крышу нашихъ комнатъ и съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на насъ, — людей съ длинными волосами, съ другимъ типомъ лица, въ другихъ костюмахъ, которые, вѣроятно, возбуждали на нашъ счетъ сожалѣніе самаркандскихъ дамъ. Не одинъ разъ мы слышали уже и ранѣе отзывы азіятцевъ о нашемъ костюмѣ, что онъ и узокъ, и неудобенъ. Какое впечатлѣніе произвели мы на дамъ, — не знаемъ; но мы и сами не прочь были посмотрѣть на нашихъ сосѣдокъ. Не было ни одного изъ насъ, кто бы не вышелъ на дворъ и не посмотрѣлъ на крышу. Но это было не долго. Наши наблюденія не могли остаться въ секретѣ. Наши сторожа замѣтили, что мы дѣлаемъ какія-то наблюденія. Марахуръ отворилъ къ намъ дверь, и первое, что бросилось ему въ глаза, были жены бека. Дамы тотчасъ скрылись; а марахуръ, захлопнувъ дверь, пошелъ дѣлать любопытнымъ барынямъ внушеніе.

Но онѣ все-таки находили возможность видѣть насъ. Въ стѣнѣ, раздѣлявшей нашъ дворъ отъ женскаго, было сдѣлано отверстіе, и часто въ немъ сверкалъ глазъ черный, блестящій, выразительный. Мы не могли смотрѣть въ это отверстіе; оно всегда замыкалось изъ га-

ремнаго двора. Правда, можно было выбить затычку, но намъ трудно было подмоститься Стѣна имѣла ниши, на которыя были положены наши вещи и въ одной изъ этихъ нишъ было пробито отверстіе, черезъ которое на насъ смотрѣли. Притомъ же съ нашего двора оно было высоко и наконецъ за нами смотрѣли, а сосѣдки наши, хотя обреченныя на неволю, не были подъ такимъ строгимъ надзоромъ, какъ мы.

Уѣхавъ изъ Ташкента въ октябрѣ мѣсяцѣ, мы не имѣли съ собой календаря на 1866 годъ, почему не знали начала и конца великаго поста и пасхи, чѣмъ такъ интересовались набожные уральцы. Вернувшись въ Ташкентъ мы узнали, что мы ошиблись на двѣ недѣли. Казаки постились всѣ семь недѣль, питаясь чаемъ и лепешками. Наши сторожа, узнавъ, что казаки постятся, приносили имъ рыбу, но уральцы отказались отъ нея, потому ли, что рыба была изъ рукъ бусурманъ, или потому, что хотѣли держать самый строгій постъ. Мы отпраздновали пасху 10 апрѣля, вмѣсто 27 марта. За нѣсколько дней передъ этимъ было сказано и марахуру и башкирцу о праздникѣ, просили купить на наши деньги лишнюю порцію мяса, муки, нѣсколько сотенъ яицъ, изюму, урюку и орѣховъ. Настряпали куличей, для чего даже намъ сдѣлали особую печь, приготовили пасху и устроили маленькій праздникъ. Казаки начали катать крашеныя яйца, за ними и наши мусульмане, а иногда и мы принимали участіе въ игрѣ. Въ среду 13 апрѣля

былъ большой мусульманскій праздникъ. Для нашихъ мусульманъ сдѣлано было угощеніе; мы у нихъ позавтракали; но за это угощеніе многіе пострадали. Марахуръ, башкирецъ, хлѣбникъ и мясникъ всѣ были смѣнены. Хотя все было куплено съ разрѣшенія бека, тѣмъ не менѣе, кажется, объ этомъ узналъ эмиръ; а можетъ быть и бекъ испугался базарныхъ сплетень и толковъ. Башкирца наказали плетью, послѣ чего онъ былъ долго боленъ, и мы не видѣли его до самаго отъѣзда. Марахура иногда мы видѣли въ открытую дверь, какъ онъ мѣсилъ глину и дѣлалъ кирпичи; иногда онъ заходилъ къ намъ, хвастался родствомъ съ эмиромъ, который, во время пребыванія своего въ Самаркандѣ, женился на его дочери и отправилъ ее въ Бухару на пополненіе своего гарема. Марахуръ говорилъ, что онъ трудится, работая въ огородѣ, но не сказалъ, работаетъ ли онъ по собственной охотѣ или по распоряженію стоящей надъ нимъ власти.

Боковую дверь заперли и повѣсили на нее замокъ; вмѣсто нея отворялась средняя дверь, бывшая также постоянно на замкѣ. У дверей стоялъ молодой человѣкъ, не дурной наружности, въ красномъ халатѣ, не вступавшій ни съ кѣмъ въ разговоры. Онъ снималъ замокъ, когда нужно было къ намъ что-нибудь пронести. И мы, русскіе, находились въ странѣ, въ которой не умѣли даже сдѣлать замка и держали насъ, какъ бы въ насмѣшку, подъ замкомъ русской работы!

Праздникъ у бека-джана ничѣмъ не ознаменовался. Здѣсь не было ничего похожаго на то, что бываетъ у насъ въ большіе праздники у высшихъ правительственныхъ лицъ. Самаркандъ называется святымъ городомъ; онъ былъ столицей Тамерлана, который въ немъ же и похороненъ. Синій *) камень (кокъ-ташъ) изъ лапись-лазури служитъ трономъ, на которомъ происходитъ обрядъ вѣнчанія на царство. По смерти эмира наслѣдника его сажаютъ на войлокъ, подбрасываютъ кверху и садятъ на кокъ-ташъ, послѣ чего онъ становится государемъ. Должность самаркандскаго бека самая почетная во всемъ ханствѣ. Беки правятъ по своему личному усмотрѣнію, не руководясь никакими законами. Они даютъ извѣстный доходъ эмиру, но не забываютъ и себя; поэтому, отъѣзжая куда-нибудь, они сдаютъ бразды правленія своимъ ближайшимъ родственникамъ.

Утромъ, въ день праздника, отворили дверь изъ комнаты бекъ-джана въ нашъ дворъ и подмели его. Комнаты были пусты; на полу были ковры, посрединѣ стоялъ низкій столъ, покрытый одѣяломъ. Въ холодную погоду подъ этотъ столъ ставятъ жаровни съ углемъ и просовываютъ туда ноги. Въ нишахъ стѣнъ положено было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Вечеромъ бекъ-джанъ, съ тремя или четырьмя изъ сво-

*) Кокъ — зеленый, синій и голубой.

ихъ гостей, вошелъ къ намъ, прислав просить насъ предварительно показать ему въ трубу луну и звѣзды. Самъ бекъ-джанъ, молодой человѣкъ, высокаго роста, весьма пріятной наружности, какъ говорятъ, далеко не такъ уменъ; онъ какъ отецъ его, но весьма добръ, считалъ неприличнымъ обращаться къ намъ съ вопросами, которые дѣлали бывшіе при немъ люди. Наблюденія продолжались не долго; бекъ-джанъ ушелъ; за нимъ поплелись и остальные, шепнувъ намъ, чтобы мы спрятали трубу. Затѣмъ въ комнатѣ у бека-джана завязался ученый разговоръ, превратившійся въ жаркій споръ о томъ, какъ понимать какой-то стихъ корана. Послали за самымъ ученымъ мужемъ, который, разумѣется, одержалъ верхъ. Потомъ явился доморощенный пѣвецъ, ревѣвшій дикимъ голосомъ далеко за полночь. Пѣвцы азіятскіе для европейскаго уха весьма непріятны. Въ пѣніи ихъ нѣтъ никакого мотива, — это дикій ревъ. Отъ напряженія у пѣвца всегда хлынетъ изъ горла или изъ носа кровь и слушатели приходятъ въ восторгъ, вѣроятно восхищаясь словами, которыя часто бываютъ импровизиціей. Въ пѣсняхъ воспѣваются герои или превозносятся добродѣтели сильныхъ лицъ, поются стихи корана или передаются легенды.

Новый періодъ. — Карты. — Сцена съ журавлями. — Пріѣзжій отъ эмира. — Разсказъ объ ирджарскомъ дѣлѣ. — Страхъ бухарцевъ — Собаки.

—

Послѣ смѣны приставленныхъ къ намъ лицъ, мы почти никого не видѣли. Дверь изъ комнаты бекъ-джана не отворялась и въ ней никого не бывало. Наступили жары; бекъ-джанъ помѣстился подлѣ бассейна въ палаткѣ. Мы едва могли достучаться въ среднюю дверь, когда намъ что-нибудь бывало нужно. Изрѣдка чистили наши дворы и ямы, и это служило для насъ развлеченіемъ. Тогда отворяли дверь, и Ибрагимъ находилъ возможнымъ сообщить намъ какое-нибудь извѣстіе, которое то подавало намъ надежду на скорое освобожденіе, то приводило чуть не отчаяніе.

Дворъ нашъ поливали два раза въ день, утромъ и вечеромъ, и это ненадолго насъ освѣжало. Мы снова стали играть въ карты. Привезенныя съ нами скоро пришли въ такое состояніе, что положительно нельзя

было въ нихъ отличить четверки отъ пятерки, осмерки отъ девятки. Еще въ Бухарѣ намъ приносили карты. Мы попробовали попросить объ этомъ марахура, когда онъ былъ при насъ. и потомъ замѣнившаго его молодаго человѣка въ красномъ халатѣ. Намъ не отказали и принесли русскія игранныя, но достаточно свѣжія карты, завернутыя въ приказы по военному вѣдомству. Раза два намъ приносили вѣнскія карты, достоинствомъ хуже нашихъ, за то гораздо дешевле. На щитахъ трефовыхъ валетовъ этихъ картъ было написано на одной сторонѣ имя фабриканта «Carl Holdhaus,» а на другой: «graben, № 11, 33, in Wien.» Тузы были съ ландшафтами.

Въ каждомъ изъ нашихъ помѣщеній шла игра: мы играли, казаки играли и наши мусульмане играли. Иные гадали. и темой для гаданія было одно — когда мы уѣдемъ. Наша стража полагала, что мы знаемъ черезъ посредство картъ, что съ нами будетъ черезъ два мѣсяца. Въ опроверженіе этого мы приводили сильный агрументъ, что если бы будущее было намъ извѣстно, то мы не поѣхали бы въ Бухарію.

Не смотря на смѣну марахура и проч., намъ не отказывали въ мелкихъ покупкахъ. Провизію мы всю получали изъ казны, но сахаръ отпускался на наши деньги. Мы купили канауса—шелковой матеріи мѣстнаго приготовленія, и казакъ нашъ нашилъ намъ изъ нея легкаго платья.

Провизію сперва носили намъ часто, потомъ на

приносить масло на десять дней и, наконецъ, на три недѣли. Съ нетерпѣніемъ бывало мы ждемъ окончанія этого срока и мечтаемъ, на сколько времени опять принесутъ намъ масла, считая эту порцію въ зависимости съ нашимъ пребываніемъ.

Весною погода не всегда бывала постоянною; послѣ ясныхъ, жаркихъ дней шли иногда дожди и бывало пасмурно. Птицы большими стаями летѣли на сѣверъ. Разъ какъ-то послѣ дождя небо было покрыто тучами, журавли съ громкимъ крикомъ неслись надъ нами; мы прилежно слѣдили за этимъ полетомъ, казаки посылали съ журавлями привѣтъ своимъ роднымъ и просьбу своимъ браннымъ товарищамъ идти въ Бухарію и выручать насъ. Мы долго смотрѣли на это движеніе и мысленно неслись за журавлями на сѣверъ, гдѣ нельзя ошибиться направленіемъ, — такъ широко раскинулась Русская земля. Журавли пролетѣли; видны были въ тучахъ нѣкоторые отсталые изъ нихъ. Только зоркіе глаза уже могли разглядѣть ихъ. Въ это время дверь изъ комнаты бекъ-джана отворилась, и у насъ во дворѣ явился онъ самъ съ своими приближенными. «Что вы смотрите?» спросилъ онъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ. — «Да вотъ тамъ въ тучахъ то прячется, то появляется птица?» — «Не видите ли вы какого знаменія на небѣ.» На силу могли мы увѣрить бекъ-джана, что мы не видимъ никакого знаменія. Это было въ первый разъ, что бекъ-джанъ заговорилъ съ нами.

А исторія съ журавлями весьма поучительна. Она прибавляетъ новое могущество намъ, имѣющимъ всевидящую трубу, знающимъ будущее и, наконецъ, способнымъ вызывать или достойнымъ видѣть знаменіе на небѣ.

Бекъ-джанъ, постоявъ не долго на нашемъ дворѣ, ушелъ къ себѣ въ комнату. Мы также разошлись, потому что не на что было смотрѣть; птицы всѣ пролетѣли; тучи также тяжело висѣли въ воздухѣ.

Насъ весьма интересовало знать, кто такой — это важное лице, пріѣхавшее въ нашъ отрядъ. Прошло много времени, но мы не слышали ни о какихъ крупныхъ событіяхъ. Разъ какъ-то утромъ, мы были еще въ своихъ комнатахъ, къ намъ пришелъ одинъ изъ людей, пріѣхавшихъ изъ арміи. Онъ былъ одѣтъ очень хорошо: бархатная малиновая шапка съ собольимъ околышемъ показывала, что онъ принадлежитъ ко двору; загорѣлое лице свидѣтельствовало, что онъ только-что съ дороги. По словамъ нашего гостя, его послалъ къ намъ эмиръ успокоить насъ и обрадовать извѣстіемъ, что всѣ недоразумѣнія между Россіей и Бухаріей устранены, и что мы скоро должны уѣхать. Пріѣзжій разсказалъ намъ, что онъ ѣздилъ въ нашъ отрядъ съ однимъ изъ сановниковъ эмира, разговаривалъ со многими изъ нашихъ офицеровъ и видѣлъ пароходъ. Его разсказы были такъ подробны, что не оставалось сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ самъ очевидцемъ. Санов-

никъ эмира остался въ нашемъ отрядѣ, потому что не была подписана еще какая-то бумага. Бумага должна на дняхъ быть подписана, и затѣмъ послѣдуетъ наше освобожденіе.

Въ тотъ же день вечеромъ до насъ дошелъ слухъ, совершенно противорѣчащій этому извѣстію. Мы услышали, что армія эмира совершенно разбита. Это событіе такъ поразило жителей Самарканда, что они, не стѣсняясь, громко говорили за нашими стѣнами, такъ что мы слышали отчетливо каждое произнесенное ими слово.

Нѣкоторые, вѣроятно, очевидцы катастрофы, разсказывали чрезвычайно комично ирджирское дѣло:

«Бухарскія войска стояли на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, готовыя къ бою. Значки были всѣ у эмира. Русскіе подходили уже довольно близко; тогда командиры отдѣльныхъ частей, видя, что наступило время начинать бой, доложили объ этомъ своему государю, прося его благословить значки и дозволить вступить въ бой. Молитва была произнесена, благословеніе дано, значки розданы. До этого вѣтеръ дулъ отъ бухарцевъ къ русскимъ. Когда же русскіе раскрыли рты (вѣроятно, взяли на штыки и бросились съ крикомъ *ура*) и кинулись на бухарцевъ, когда грянули орудія, — тогда вѣтеръ перемѣнился, запорошилъ глаза, и бухарцы, безъ оглядки, побѣжали. И что за орудія у

русскихъ, бьютъ на ¹/₄ таша *), на ¹/₂ таша, на ташъ и, наконецъ, на сколько угодно.»

Эти разсказы пополнялись новыми. Мы узнали также, что шагрисебцы, стоявшіе на правомъ флангѣ, на берегу Сыръ-Дарьи, не принимали участія въ боѣ и, послѣ перваго натиска нашихъ войскъ, повернули назадъ и отправились горами домой, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Шагрисебцы ненавидятъ бухарцевъ и часто возстаютъ противъ нихъ. Здѣсь, видя, что перевѣсъ на сторонѣ русскихъ, они повернули назадъ. Шагрисебцовъ было 10,000 человѣкъ. Въ дѣлѣ были узбеки, туркмены, персы; они составляли отдѣльные отряды съ своими командирами, такъ же, какъ каждый бекъ съ своимъ войскомъ, если только можно назвать такъ неправильную, нестройную массу, не знающую дисциплины, не сознающую чувства долга, не обученную военному искусству. Убитыхъ было очень много. Самъ эмиръ скрылся неизвѣстно куда, даже не знали, живъ ли онъ. За стѣной одни сокрушались объ эмирѣ, другіе въ утѣшеніе говорили: «Богъ милостивъ, государь нашъ живъ и невреднмъ и, вѣроятно, скоро будетъ среди насъ». Тѣмъ не менѣе, три дня о немъ не было никакихъ извѣстій. Между тѣмъ, безпрестанно приходили остатки разбитой арміи и разсказывали раз-

*) Ташъ — линейная мѣра, равная почти осьми верстамъ, или, вѣрнѣе, одной географической милѣ.

ные ужасы побоища. Главнокомандующій войсками Шаралы-бекъ раненъ пулею на вылетъ; большая часть приближенныхъ къ эмиру лицъ убиты. Кругомъ слышны были рыданія, которыя раздавались безпрестанно въ новыхъ мѣстахъ, по мѣрѣ того, какъ приходили печальныя вѣсти. О насъ позабыли: горе было слишкомъ тяжело. Черезъ два дня послѣ извѣстія объ ирджарскомъ дѣлѣ до насъ дошла вѣсть, что наши войска, преслѣдуя разбитую бухарскую армію, дошли до Дзака. Едва воины вошли въ городъ и принялись за чай, какъ наши войска вошли въ Дзакъ, и бухарскіе воины, бросивъ чашки, бросились къ Самарканду. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ мы, черезъ щели нашихъ дверей, увидѣли, какъ во дворъ съ бассейномъ валилъ народъ мрачный, убитый, растерянный. О насъ вспомнили, заперли двери во дворъ бекъ-джана, комнаты всѣ опустѣли, и мы, разумѣется, ничего уже не видѣли сквозь двойныя двери, только слышали, что дворъ наполненъ народомъ. Мы были убѣждены, что Дзакъ взятъ. Ночью намъ не спалось, мы поднялись рано, на зарѣ услышали лошадиный топотъ и увидѣли облака пыли, которыя поднимались съ улицы. Шла кавалерія. Къ бекъ-джану приходили старцы, вооруженные съ ногъ до головы, съ оруженосцами и свитою; пробывъ немного, они уходили. Вѣроятно, подходили резервы. Ибрагимъ намъ сказалъ, что Дзакъ въ рукахъ русскихъ. Мы ждали прихода нашихъ съ нетерпѣніемъ.

На второй или на третій день послѣ извѣстія объ ирджарскомъ дѣлѣ, разнесся слухъ, что везутъ раненаго Шаралы-бека. Родные и друзья поѣхали встрѣчать его. Ибрагимъ смѣло вошелъ къ намъ въ комнату и, спрятавшись въ глубинѣ ея, наскоро сказалъ эту новость. Раненаго главнокомандующаго везли въ арбѣ. Вечеромъ привезли его. Мы только видѣли, какъ въѣхала во дворъ арба, затѣмъ заперли двери и за нашей стѣною въ гаремѣ раздались страшныя рыданія.

Сколько, полагаю, было возсылаемо намъ по всей Бухаріи проклятій, намъ — невольной причинѣ всѣхъ несчастій!

При этомъ разскажу странное совпаденіе обстоятельствъ, которое людей суевѣрныхъ должно болѣе укрѣпить въ ихъ суевѣріи.

Наши казаки прикормили бѣлую собаку, которая жила на крышѣ навѣса. Собака была не молодая, но, наѣвшись вдоволь, она стала весела и ласкова. Собака вела себя весьма прилично: ѣла и лежала на крышѣ днемъ, спала и изрѣдка лаяла ночью. Недѣли за двѣ до ирджарскаго дѣла собака наша совершенно измѣнилась—она стала выть по ночамъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ вой становился продолжительнѣе. Послѣднее время мы даже перестали ее кормить, чтобы заставить ее перейти въ другое мѣсто; но она слишкомъ привыкла уже къ намъ и поэтому не оставляла прижитаго ею мѣста. Наконецъ, вой, продолжавшійся всю ночь, и ба-

рабанный бой не давали намъ спать. Наши мусульмане, бывшіе при взятіи Чемкента, говорили, что передъ приходомъ русскихъ чемкентскія собаки также выли, чѣмъ предсказывали несчастіе города. Мусульмане говорили, что и здѣсь предстоитъ несчастіе тому дому, въ которомъ мы живемъ, но такъ какъ собака не наша, то мы можемъ быть покойны. Пріѣхалъ Шаралы-бекъ, и вой прекратился.

Вскорѣ послѣ извѣстія о возвращеніи Шаралы-бека, мы узнали, что и эмиръ возвращается. Что-то онъ сдѣлаетъ съ нами? Отпуститъ ли въ Ташкентъ, напуганный быстрыми успѣхами русскаго оружія; спрячетъ ли куда-нибудь подалѣе, или казнитъ, если онъ разсерженъ тѣмъ пораженіемъ, которое потерпѣлъ. Эти мысли невольно приходили намъ въ голову, хотя мы скорѣе склонялись на первое. Во взятіи Дзака, мы не сомнѣвались, но не могли понять, почему наши мѣшкаютъ. Какъ намъ хотѣлось знать многое; но намъ ничего не говорили, и все, что мы знали, было подслушано у разговаривавшихъ громко за нашими плохими стѣнами. Мы безпрестанно бѣгали въ маленькій дворъ узнавать отъ жившихъ тамъ нашихъ мусульманъ, нѣтъ ли какихъ новыхъ извѣстій.

Пріятное извѣстіе. — Каратегинъ. — Бекъ-диванъ. — Гнѣвъ эмира. — Порученія. — Подарки. — Представленіе эмиру. — Выѣздъ изъ Самарканда.

—

Была ясная лунная ночь: было жарко, но не душно. Я только-что легъ въ постель. К. раздѣвался: другіе товарищи по заключенію вошли узнавать отъ нусульманъ новости. На столѣ у насъ горѣла казенная сальная свѣча: стеариновыхъ мы давно уже не знали. Къ намъ въ комнату, дверь которой была растворена, вошелъ незамѣтно для насъ человѣкъ средняго роста, въ очень простомъ халатѣ, въ скромной, далеко не пышной, чалмѣ. Онъ обратился къ намъ съ совершенно чистой русской рѣчью, такого содержанія: «Господа, государь мой послалъ меня порадовать васъ пріятною новостью. Государь не желаетъ нарушить старинную 500-лѣтнюю дружбу, связывавшую Бухарію съ Россіею и возвращаетъ васъ въ Ташкентъ. Небольшая стычка, бывшая между русскими и бухарскими вой-

скими, требовалась мусульманскимъ закономъ, въ отмщеніе зато, что русскіе осквернили своимъ приходомъ бухарскую землю. Теперь все кончено, и возстановлена прежняя дружба».

К. побѣжалъ за посланниками, я наскоро одѣлся. Нашъ гость, когда собрались всѣ, повторилъ то же самое, прося написать военному губернатору письмо, въ которомъ бы излагалась причина военныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Гость нашъ былъ тотъ совѣтникъ эмира, о которомъ мы слышали прежде; имя его Каратаевъ изъ Саратова; почему онъ оставилъ Россію — мы не узнали. Каратаевъ намъ сообщилъ, что нашими войсками командуетъ новый военный губернаторъ; но умалчивалъ о томъ пораженіи, какое понесли бухарцы. Письмо къ военному губернатору было написано по-русски и по-татарски; въ письмѣ было сказано: «Сейчасъ пришелъ къ намъ, по порученію эмира, татаринъ, съ извѣстіемъ, что черезъ два дня мы выѣзжаемъ отсюда. Эмиръ желаетъ сохранить бывшую до сихъ поръ дружбу между Бухаріею и Россіею, и считаетъ долгомъ объяснить, что военныя дѣйствія были вызваны мусульманскимъ закономъ, требовавшимъ отмщенія за приходъ русскихъ въ бухарскіе предѣлы. Битва, продолжавшаяся ровно два часа, была остановлена самимъ эмиромъ.»

Каратаевъ долго сидѣлъ у насъ, выпилъ множество стакановъ чаю, разсказывалъ многое, но былъ остороженъ относительно военныхъ дѣйствій. Отъ него мы узнали, что ни одно изъ нашихъ писемъ не дошло по назначенію: всѣ были прочитаны и оставлены. Одни изъ совѣтниковъ эмира предлагали позволить намъ писать и получать письма; другіе говорили: «лучше пусть ничего о нихъ (т. е. о насъ) не знаютъ въ Россіи, а мы, смотря по тому, какъ за нихъ будутъ заступаться, будемъ знать, чего требовать за ихъ освобожденіе.» Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, да и вообще эмиръ пристаетъ чаще къ тому мнѣнію, которое отличается своею нелѣпостью.

Каратаевъ, чтобы исполнить повелѣніе своего государя, проскакалъ много верстъ и прямо съ дороги пришелъ къ намъ. Получивъ отъ насъ письмо, онъ долженъ скакать опять къ эмиру. Письмо будетъ отправлено немедленно къ военному губернатору.

Утромъ пушечный выстрѣлъ и музыка возвѣстили о пріѣздѣ эмира. Каратаевъ приходилъ довольно часто и пояснялъ намъ, что письмо наше отправлено. Онъ, въ первый же визитъ свой, предложилъ намъ снять съ дверей замки и отворить двери; но мы отказались отъ этого, зная, что намъ наскучила бы толпа любопытныхъ, которые стали бы смотрѣть на насъ съ утра до вечера. Мы такъ очарованы были мыслію близкаго отъѣзда и такъ привыкли сидѣть взаперти, что, для

насъ было бы тяжело служить предметомъ общаго вниманія или, вѣрнѣе, любопытства.

Каратаевъ былъ прежде и въ Оренбургѣ, называлъ себя часовыхъ дѣлъ мастеромъ, и часы его работы украшаютъ фронтонъ дворца эмира. Каратаевъ не занимаетъ въ Бухаріи никакой должности, не принимаетъ отъ эмира никакихъ подарковъ и находитъ, какъ истинный философъ, быть лучше другомъ и совѣтникомъ государя, не неся никакой отвѣтственности въ управленіи, не имѣя, поэтому, и завистниковъ. Каратаевъ совѣтовалъ эмиру не ссориться съ Россіею. Послѣ перваго прихода нашихъ войскъ подъ Дзакъ, онъ говорилъ: «Государь, не затѣвай съ Россіей ссоры: Россія сильна и тебя раздавитъ. Вспомни царства: Казанское и Астраханское, Сибирь,—все покорено Россіею. Если бы тебѣ теперь и удалось одержать надъ нею верхъ, то она пришлетъ еще войска; ты и ихъ можешь разбить; но все-таки конецъ будетъ тотъ, что Россія поправитъ всѣ свои неудачи и задавитъ тебя. Даже, еслибы, чего не можетъ быть, Россія не совладѣла съ тобою, то ей помогутъ другія державы,—она со всѣми въ дружбѣ. Ты же ни на чью помощь разсчитывать не можешь.»

Эмиръ не послушалъ добраго совѣта и собралъ свои войска. Когда онъ отправился въ походъ, то Каратаевъ опять сказалъ ему: «Государь, вернись, еще не поздно и не стыдно. Хуже будетъ, когда твоя

армія будетъ разбита и ты вернешься одинъ». Слова эти были пророческими.

Каратаевъ о Бухаріи отзывался съ пренебреженіемъ, говоря: «здѣсь она, настоящая Азія-то, и есть». Когда онъ говорилъ о Россіи, то прибавлялъ: *у насъ, въ Россіи*. Ему страшно хотѣлось вырваться изъ Бухаріи, гдѣ, какъ бы ни сильно было въ настоящемъ его положеніе, оно все-таки не могло быть прочно. Онъ говорилъ, что эмиръ посылаетъ съ нами посланника къ военному губернатору для заключенія мирнаго трактата, хотѣлось бы и ему ѣхать, не въ качествѣ посланника, а хотя переводчикомъ. Боялся только, чтобы не задержали его въ Россіи. Намъ пріятно было ѣхать съ Каратаевымъ, и мы представляли ему удобства для посланныхъ эмира, имѣть своего переводчика. Ему это понравилось, и онъ энергически принялся за дѣло, подавъ докладную записку эмиру. Эмиръ подозрительно посмотрѣлъ на проектъ Каратаева, видя въ немъ желаніе убѣжать въ Россію. Для удостовѣренія въ словахъ Каратаева, къ намъ пришелъ Бекъ-джанъ съ двумя уже знакомыми намъ прежде лицами. Они вошли весьма привѣтливо: видно было, что фонды наши сильно поднялись. Бекъ-джанъ сѣлъ на стулъ; другой помѣстился рядомъ съ нимъ на стулъ же, а третій расположился на полу. Бекъ-джанъ высокаго роста, молодой, стройный, красивой наружности, съ хорошими манерами. Если бы онъ не былъ бухарецъ, то могъ бы быть свѣт-

скимъ человѣкомъ. Одѣтъ онъ былъ изящно: нижній шелковый халатъ былъ опоясанъ кушакомъ съ огромною серебряною пряжкою, украшенною каменьями; верхній халатъ парчевой. Снѣжнобѣлая чалма широко и живописно была навита на голову. Бекъ-джанъ сказалъ намъ о поданной Каратаевымъ докладной запискѣ. Мы были весьма осторожны и всѣми средствами старались выгородить Каратаева. Однако онъ цѣлый день къ намъ не показывался, такъ что мы наконецъ стали подозрѣвать что онъ впалъ въ немилость. Вечеромъ на слѣдующій день, ходя по двору, мы услышали, что кто-то стучится въ среднюю дверь; подойдя къ ней, мы узнали, что это Каратаевъ, который не могъ отыскать нашего караульщика. Онъ извинился, что не былъ у насъ два дня и пришелъ сказать, что придетъ завтра.

Ни Каратаевъ и никто къ намъ не приходилъ. Мало этого: мы видѣли сквозь щели какую-то суетню, таскали сундуки изъ помѣщеній бека на улицу. Кругомъ насъ была мертвая тишина; на улицѣ не слышно было также никакого шума. Мы слышали о взятіи нашими войсками Дзака, и полагали, что наши подходятъ къ Самарканду, и жители, со страха, покидаютъ городъ. Но если собирается самъ бекъ, то неужели городъ опустѣетъ и насъ оставятъ однихъ, на произволъ черни, которая, пользуясь тѣмъ, что при насъ нѣтъ караульщиковъ и что наши войска еще не при-

шли, можетъ выставить изъ среды своей нѣсколько фанатиковъ, бороться съ которыми мы не въ состояніи, не имѣя при себѣ оружія. Положеніе скверное. Постучали въ дверь — никакого отвѣта, начали колотить очень сильно — никто насъ не слышитъ, никого нѣтъ во дворѣ. А между тѣмъ, у насъ не было даже и воды. Можно бы, пожалуй, выбить дверь; но что же дальше. Лучше подождать: чѣмъ-нибудь эта таинственность объяснится. Прошло часа три; наконецъ, средняя дверь отворилась, и вошло новое лицо, у котораго мы спросили воды и попросили объясненія таинственности, насъ окружающей. Отъ этого человѣка мы узнали, что Шаралы-бекъ назначенъ бекомъ какого-то маленькаго мѣстечка; тотъ, кто опредѣленъ въ должность самаркандскаго бека, еще не прибылъ, и при насъ пока будутъ находиться люди эмира. Къ вечеру все дѣло направилось, и намъ, попрежнему, стали носить воду, хлѣбъ и провизію.

Не знаю, какимъ образомъ, но мы узнали, что, за пораженія подъ Ирджаромъ, Шаралы-бекъ, какъ главнокомандующій, былъ смѣненъ и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлались опальными вся семья его, прислуга и близкіе къ нему. Бекъ-джанъ носилъ эмиру передъ грозою золотыя и серебряныя вещи, думая смягчить блескомъ благородныхъ металловъ суровое сердце своего повелителя; но это не помогло. Шаралы-бекъ, не смотря на свою рану, не смотря на то, что онъ былъ героемъ и отступилъ послѣдній, попалъ въ немилость. Старшій

сынъ его, бывшій на войнѣ и также раненый, бекъджанъ, исправлявшій должность отца, и Ибрагимъ, мечтавшій о свободѣ, всѣ должны были немедленно убраться. Гнѣвъ эмира простирался далеко: онъ наказалъ всѣхъ тѣхъ, которые совѣтовали воевать съ Россіею, потому что эта война повела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Ишанъ-Ходжа, вызвавшій насъ изъ Ташкента, былъ наказанъ болѣе всѣхъ. Ему было отпущено единовременно 69 ударовъ палками; цифра 69 взята оттого, что на персидскомъ языкѣ выходитъ какъ-то особенно остроумно и хорошо семьдесятъ безъ одного. Ежедневно Ишанъ-Ходжа долженъ былъ получать по 15 ударовъ палками. Сырая натура Ишанъ-Ходжи не выдержала бы долго этого наказанія и, вѣроятно, онъ откупался. Говорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ, обвиненный отдается на руки палачу, который долженъ въ извѣстный часъ отпускать ему прописанную порцію. Если палачъ подкупленъ, то онъ бьетъ по чему ни попало, только не по обвиненному, который кричитъ вслѣдъ за ударами.

Не могу поручиться за то, чему подвергался несчастный Ишанъ-Ходжа; слышалъ только, что когда взята была Ура-тюбе, то его нашли сидящимъ въ ямѣ, въ которую онъ былъ брошенъ эмиромъ. Вынутый нашими солдатами изъ своей тюрьмы, онъ упалъ безъ чувствъ, когда его коснулся свѣжій воздухъ.

Расправа съ тѣми, которые были прямою или кос-

венною причиною пораженія бухарцевъ, показывала, что азіятскій деспотъ, послѣ страха, начинаетъ гнѣваться, т. е. приходить въ себя. Къ счастію, насъ это не касалось.

Шаралы-бекъ собрался скоро; ему назначено было въ теченіе дня выѣхать. Уѣхалъ онъ тихо; никто не пришелъ проводить его, тогда какъ онъ пользовался любовью и уваженіемъ во всей провинціи, какъ честный, умный человѣкъ и хорошій правитель. Выказать сочувствіе къ опальному опасно: можно лишиться за это жизни или впасть въ немилость.

По отъѣздѣ Шаралы-бека дворъ съ бассейномъ совершенно опустѣлъ, даже собаки убѣжали съ своими хозяевами. Нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ эмиромъ караулить насъ и прислуживать, помѣстились въ канцеляріи.

Между тѣмъ, мы не ѣхали, и срокъ, назначенный нами въ письмѣ, уже прошелъ. Неужели опять какая-нибудь задержка? Два дня Каратаевъ не показывался; наконецъ, явился снова съ положительнымъ извѣстіемъ, что мы получимъ подарки и поѣдемъ въ Дзакъ, откуда будетъ сдѣлано распоряженіе о дальнѣйшей нашей отправкѣ. Это еще болѣе подкрѣпило насъ въ томъ, что наши въ Дзакѣ, хотя Каратаевъ этого и не говорилъ. Мы спросили кого-то: «гдѣ наши?» намъ отвѣчали: «Переѣдете Дарью, тамъ увидите ваши та-

буны.» — «Какую Дарью? Сыръ-Дарью или Зайревшанъ-Дарью?»

Каратаевъ просилъ у насъ именемъ эмира книгъ на русскомъ или англійскомъ языкахъ: «лечебникъ и искусство искать золото». Мы обѣщали выслать книги эти изъ Россіи. Еще просилъ у насъ какого-нибудь снадобья для любви. «Зачѣмъ вамъ это?» — «Не для меня, а для государя; знаете, при нашемъ многоженствѣ трудно умѣть всѣмъ понравиться.» Мы отвѣчали, что у насъ ничего подобнаго съ собою нѣтъ. Послѣ этого было сдѣлано предложеніе еще болѣе странное. Постараюсь передать его словами Каратаева: «Еще просьба, господа: мы здѣсь слышали, что у васъ, на западѣ, дѣлаютъ механическихъ женщинъ, которыхъ ничѣмъ нельзя отличить отъ настоящихъ, пожалуй онѣ еще лучше, потому что не старѣются и любить ихъ можно такъ же, какъ и живыхъ. Вы бы сдѣлали большое одолженіе нашему государю, если бы могли прислать ему такую жену. При нашихъ законахъ женщины остаются постоянно въ гаремахъ; во время походовъ ихъ нельзя брать съ собою, тогда какъ механическую не возбраняется возить. И представьте себѣ удобство. Вы входите въ палатку, видите на постели женщину такой красоты, какая вамъ нужна: вы не одни, вы знаете, что рядомъ съ вами женщина. Вы отправились въ походъ, человѣкъ вашъ раздѣваетъ ее, выпускаетъ воздухъ, свертываетъ и везетъ за сѣдломъ. Очень удобно.»

Сначала мы были ошеломлены этимъ предложеніемъ, потому что въ первый разъ слышали, чтобы кто-нибудь занимался подобною фабрикаціею. Потомъ мы расхохотались этотъ слухъ распустили въ Бухаріи шутники итальянцы.

— Вы знаете, что у насъ такихъ женщинъ съ собой нѣтъ, отвѣчали мы:—Но лишь только мы пріѣдемъ въ Петербургъ, тотчасъ же доставимъ этотъ драгоцѣнный подарокъ вашему государю.—Мы думали, пусть только насъ выпустятъ поскорѣе. 17 мая 1866 г., около полудня, намъ принесли наконецъ давно ожидаемые нами подарки. Намъ было объявлено наканунѣ, что мы получимъ ихъ днемъ, а вечеромъ будемъ откланиваться эмиру.

Наканунѣ мы составили списокъ нашъ по чинамъ.

Подарки были слѣдующіе: два посланника получили по два халата: нижній шелковый, а верхній кашемировый, и по лошади съ полною верховою сбруею. Уздечка, нагрудники у сѣдла были украшены сердоликами съ бирюзой въ серебряной оправѣ. Одинъ изъ насъ получилъ также два халата: нижній шелковый, такой же какъ и у посланниковъ, а верхній пестрый кашемировый. Лошадь съ сбруей принадлежала и къ этому подарку. Но лошадь была похуже и постарше. Сѣдло прескверное: украшенія были также попроще, камни были поменьше: часть бирюзы замѣнена стекломъ.

Далѣе подарки были: двоимъ по парчевому халату, одному синій суконный, казачьимъ урядникамъ и почетнымъ киргизамъ—шелковые халаты, казакамъ и прочимъ киргизамъ—бумажные. Сверхъ того на путевые расходы эмиръ прислалъ намъ нѣсколько мѣшковъ съ 5,000 серебряной монеты, что составляетъ на наши деньги 1,000 рублей. Часть монетъ были фальшивыя.

Получивъ подарки мы тотчасъ же нарядились, всѣ безъ исключенія, въ жалованные халаты. Этотъ день у насъ былъ настоящій маскарадъ, такъ что наше пребываніе въ Бухаріи, имѣвшее много комизма, содержавшее драматическіе и трагическіе эпизоды, кончилось водевилемъ съ переодѣваніемъ.

Намъ сказали, что послѣ вечерняго намаза, когда совершенно смеркнется, насъ поведутъ къ эмиру. «Народъ нашъ глупъ; мы не хотимъ, чтобы онъ васъ видѣлъ,» поясняли намъ. Однако, вечерняго намаза не дождались. Еще солнце не закатилось, пришелъ къ намъ Каратаевъ съ какимъ-то церемоніймейстеромъ, который приносилъ намъ подарки, и насъ попросили идти къ эмиру. Мы были въ жалованныхъ халатахъ. Намъ завязяли по формѣ тесемки на воротникахъ и расправили халаты; мы надѣли русскія форменныя шапки и отправились пѣшкомъ, только впятеромъ, одни офицеры. Казаки и киргизы остались дома. Съ какимъ наслажденіемъ вышли мы изъ воротъ, какъ ароматиченъ по-

казался намъ воздухъ, какъ весело мы шли по улицамъ. Народу было мало; но ни одинъ изъ любопытныхъ не произнесъ ни слова; на насъ смотрѣли съ удивленіемъ. Пройдя нѣсколько улицъ, мы на одной встрѣтили двухъ солдатъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ улицы. На нихъ были мѣховыя остроконечныя шапки и кафтаны, и они держали въ рукахъ ружья. Вѣроятно, это былъ почетный караулъ. Затѣмъ мы повернули во дворъ. Здѣсь насъ попросили снять передъ эмиромъ шапки и преклонить головы; мы охотно согласились на это. Насъ ввели въ залъ съ скамейками по стѣнамъ и посрединѣ. Кое-гдѣ сидѣли придворные. Штатъ эмира былъ несравненно менѣе, чѣмъ въ Бухарѣ при первомъ нашемъ ему представленіи. Въ залѣ мы остановились на нѣсколько секундъ, затѣмъ, пройдя комнату, вошли во дворъ и, сдѣлавъ десятокъ шаговъ, остановились. Противъ насъ былъ глиняной домъ съ террасой, обращенной во дворъ; на террасѣ у дверей въ комнату сидѣлъ на постланномъ на полу коврѣ эмиръ въ снѣжно-бѣлой чалмѣ, въ какомъ-то темномъ халатѣ, съ босыми ногами, сложенными кренделемъ. Мы сдѣлали все такъ, какъ намъ было сказано; впрочемъ, церемоніймейстеръ намъ шепнулъ, когда должно снять шапки и преклониться. Эмиръ, на татарскомъ языкѣ, пожелалъ намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія на родину. Переводчикъ нашъ отвѣтилъ ему какою-то галантерейною фразкой и тѣмъ

аудіенція кончилась. Слѣды похода и заботъ замѣтны были на лицѣ эмира, онъ сильно загорѣлъ и похудѣлъ.

Насъ повели назадъ опять тѣ же церемоніймейстеръ и Каратаевъ. На дорогѣ опять стояли два солдата и кое-гдѣ выглядывали любопытные. Мы возвратились и стали укладываться въ арбы, стоявшія на улицѣ. Этотъ выѣздъ не похожъ былъ на выѣздъ изъ Бухары; мы свободно ходили на улицу, смотрѣли подаренныхъ лошадей; наши, на которыхъ мы пріѣхали изъ Ташкента, были страшно измучены. Въ три мѣсяца пребыванія нашего въ Самаркандѣ лошади были розданы по дворамъ, за ними плохо смотрѣли и, вѣроятно, ѣздили на войну, потому что нѣкоторыя были ранены. Взамѣнъ погибшихъ лошадей намъ выдали новыхъ.

Передъ отправленіемъ къ эмиру намъ привели плѣнныхъ, изъ которыхъ одинъ сибирскій казакъ былъ 14 мѣсяцевъ въ плѣну, — побывалъ въ Кашгарѣ, въ Коканѣ и, наконецъ, попалъ въ Бухару, гдѣ обращенъ въ мусульманина и назначенъ въ сарбазы. О плѣнныхъ похлопоталъ также Каратаевъ, который смотрѣлъ на насъ, какъ на дорогихъ сердцу земляковъ, и, говоря съ нами, титуловалъ насъ: Ваше Высокоблагородіе.

Всѣхъ плѣнныхъ было восемь человѣкъ. Они попали въ разное время; двое изъ нихъ привезены въ Самаркандъ во время нашего тамъ пребыванія; мы

слышали гулъ на улицѣ, когда ихъ доставили, и намъ сказали, что привезено семьдесятъ человѣкъ и мѣшокъ ушей. Когда плѣнныхъ вели къ намъ, то они полагали, что ихъ ведутъ на казнь,—такъ они были напуганы. Войдя къ намъ они не вдругъ очнулись; всѣ они были въ плохихъ бумажныхъ халатахъ, на головахъ были короткія пестрыя чалмы, что-то въ родѣ грязной тряпки. Одѣты они были весьма плохо, вся прежняя ихъ одежда была снята и не возвращена имъ. Всѣмъ имъ предложено было: смертная казнь, или мусульманство. Они приняли мусульманство или, какъ они выражались, пошли въ бусурмане, чтобы сохранить себѣ жизнь.

Уложить въ арбы было не долго, тѣмъ не менѣе ко времени нашего отъѣзда совершенно смерклось. Прежде чѣмъ сѣсть намъ въ арбы, опять послали къ эмиру просить его благословенія, и затѣмъ мы, усѣвшись въ экипажи, поѣхали, не сомнѣваясь, что ѣдемъ домой.

Обратное путешествіе до Дзака.—Непредвидѣнная остановка. — Возвращеніе.

—

Арбы наши стояли у самыхъ воротъ. На улицахъ, столь шумныхъ при въѣздѣ нашемъ въ Самаркандъ, теперь никого не было. Послѣ вечерняго намаза всегда появляются сторожа, которые ходятъ по улицамъ съ барабанами и смотрятъ, чтобы никто не шатался по городу. Оружія намъ не выдали, но оно шло съ нами вмѣстѣ; въ Дзакѣ мы могли его получить. Насъ ничѣмъ не стѣсняли, никто насъ не торопилъ. Каратаевъ до послѣдней минуты былъ при насъ и простился съ нами, когда мы тронулись.

На базарѣ, который, какъ оказалось, былъ недалеко отъ нашего жилья, подъ темными сводами мелькали фонари. Сильный ароматическій запахъ билъ въ носъ, когда мы проѣзжали мимо лавокъ съ аптекарскими принадлежностями. Изъ-за воротъ выглядывали кое-гдѣ фигуры, не смѣвшія выйти на улицу. Воздухъ былъ чудно хорошъ; сады въ предмѣстьѣ Самарканда,

отражающіеся въ водѣ, при лунномъ освѣщеніи, имѣли дивный видъ, которому, можетъ быть, болѣе придавало очарованія наше счастливое расположеніе духа при мысли, что, наконецъ, мы выѣзжаемъ изъ дикой, варварской Бухаріи. Мы весело ѣхали. Въ 8 верстахъ отъ Самарканда переѣхали Зайревшанъ-Дарью, вода въ которой была очень высока, такъ что одна изъ нашихъ арбъ, не смотря на высокія свои колеса, чуть не утонула, свернувъ немного въ сторону.

Перебравшись на правый берегъ рѣки, мы остановились; вощики, какъ всѣ на свѣтѣ вощики, стали поправлять упряжь. Мы почти всѣ сѣли на верховыхъ лошадей, въ арбахъ осталось нѣсколько возвращенныхъ плѣнныхъ, которымъ не на чемъ было больше ѣхать. До полуночи шли безъ остановки. Въ попавшейся намъ деревушкѣ сдѣлали часа на три привалъ въ саду, покормили лошадей, поужинали сами и отправились далѣе до Яны-Кургана, теперь разрушенной нашими войсками, послѣ взятія Дзака.

Съ нами былъ отправленъ бухарскій отрядъ, считавшійся въ 50 человѣкъ, но имѣвшій, кажется, менѣе, подъ начальствомъ бека крѣпости Нау. Этотъ отрядъ былъ дурно вооруженъ, ѣхалъ безъ всякаго порядка и былъ приданъ намъ болѣе для почета, чѣмъ для защиты, потому что насъ не отъ кого было защищать. Бекъ оказался очень милымъ человѣкомъ и совершенно подчинялся всѣмъ нашимъ желаніямъ. Къ

вечеру мы были въ Яны-Курганъ и расположились на дворѣ кругомъ бассейна, подъ тѣнью деревъ. На этомъ же дворѣ были и арбы, и лошади. Провизію, равно какъ клеверъ и ячмень для лошадей, тотчасъ же дали намъ, не взявъ за это денегъ. Въ Яны-Курганъ мы провели остатокъ дня и переночевали тамъ, а рано утромъ отправились далѣе. Въ ущельѣ Джеланъуты противъ скрижалей, на которыхъ сдѣлана надпись, мы остановились не надолго, чтобъ собраться всѣмъ вмѣстѣ, и затѣмъ снова остановились передъ Дзакомъ, пройдя ущелье на томъ мѣстѣ, гдѣ мы снимали наше парадное платье, въ которомъ показывали себя народу въ первое наше пребываніе въ Дзакѣ. Только тутъ мы увидѣли, что Дзакъ еще не нашъ.

Насъ встрѣтило весьма много народа и всѣ были на лошадяхъ; отдѣлившійся впередъ отъ толпы какой-то почетный житель сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ народъ не мѣшалъ нашему шествію, и просилъ насъ ѣхать какъ можно ближе одинъ къ другому. Впереди поѣхали арбы, сзади всадники; отъ пыли было едва видно. На крышахъ и на заборахъ вездѣ были желающіе насъ посмотрѣть. Насъ ввезли на постоялый дворъ, гдѣ мы останавливались въ передній путь. Во дворѣ, сообщающемся съ улицей, оставили наши арбы и лошадей и ввели насъ черезъ домъ во внутренній дворъ; тамъ для насъ были приготовлены комнаты,

вычищенныя и поправленныя для эмира, который въ нихъ жилъ, приготовляясь къ походу.

При отъѣздѣ изъ Самарканда намъ были наняты арбы до Ташкента; но дальнѣйшій нашъ отъѣздъ зависѣлъ отъ дзакскаго бека, токсоба Аллаяра, убитаго при взятіи Дзака и правившаго городомъ и дзакской провинціей. Сопровождавшій насъ бекъ крѣпости Нау отправился прямо представиться городскому беку, и мы его болѣе не видали; но узнали, что намъ предстоитъ непредвидѣнная остановка, потому что не полученъ еще отвѣтъ на письмо наше. Вощики требовали сдѣлать имъ разсчетъ и отпустить, но ихъ уговаривали подождать.

Въ Дзакѣ мы пробыли десять дней и пребываніе наше здѣсь было гораздо сноснѣе, чѣмъ въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ: здѣсь было болѣе свободы и болѣе просторное помѣщеніе, и кромѣ дворовъ переднаго и внутренняго, въ нашемъ распоряженіи былъ огромный садъ съ прудами и съ фруктовыми деревьями. Тамъ мы проводили большую часть нашего времени. Изъ сада была видна цѣпь горъ Джеланъ-утинскихъ и Ура-тюбинскихъ. Близость горъ и просторное помѣщеніе давали намъ болѣе чистый воздухъ. Наши мусульмане ежедневно ходили на базары, сказавши объ этомъ предварительно приставленному къ намъ чиновнику, который съ утра до ночи сидѣлъ на передвемъ дворѣ у бассейна. Тамъ было постоянное дви-

женіе; тамъ пили чай, ѣли пилавъ и совершали пять разъ въ день молитву благочестивые мусульмане; тамъ стояли лошади и арбы и при нихъ постоянно кто-нибудь вертѣлся; тамъ казаки гоняли на кордѣ лошадей и туда изъ города приводили на продажу аргамаковъ и простыхъ лошадей. Дворъ этотъ былъ и базаромъ, и рестораномъ, и манежемъ, и мѣстомъ для молитвы.

Содержаніе наше въ Дзакѣ было по-прежнему на счетъ эмира; но насъ не стѣсняли покупать что нужно. Люди наши приносили съ базара кумысъ, пряники, орѣхи, сушеные фрукты, ковры и пр., кромѣ назначенной порціи клевера, прикупали нѣсколько сноповъ лишнихъ, чтобы поправить измученныхъ лошадей.

Вечеромъ къ намъ являлись сторожа съ барабанами. Днемъ мы были на попеченіи бека; ночью насъ охранялъ городъ. Насъ просили не тревожиться тѣмъ, что ходятъ сторожа, и просили не думать, будто бы они должны смотрѣть, чтобъ мы не убѣжали. Напротивъ, насъ бережетъ городъ отъ воровства, обидъ и шалостей, не ручаясь за то, чтобъ не нашлись шалуны или негодяи, которые могутъ нарушить нашъ покой. Мы, впрочемъ, иначе и не понимали назначенія караула. Наканунѣ отъѣзда нашего намъ не приходилось бѣжать; да никому эта мысль не могла и въ голову прійти. Въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ наше положеніе было гораздо хуже, но мы не бѣжали, и никто не

собирался этого сдѣлать. Бѣжать всѣмъ было невозможно; бѣжать тѣмъ, у кого была получше лошадь, и кто могъ разсчитывать, что вынесетъ этотъ подвигъ значило — предоставить оставшихся великимъ непріятностямъ, а, можетъ быть, чему-нибудь и худшему.

Жители Дзака страшно боялись прихода русскихъ; они говорили: «мы были уже довольно напуганы первымъ приходомъ вашихъ войскъ и, если еще непріятель подойдетъ, мы убѣжимъ. Сопротивляться нѣтъ силъ; гарнизона въ крѣпости только 100 человѣкъ.» На третій день нашего пріѣзда къ намъ были приведены два джигита, посланные изъ нашего отряда въ Дзакъ, которые пять дней какъ прибыли туда и были задержаны.

Стали носиться слухи, что нашими войсками взятъ Ходжентъ и крѣпость Нау. Ходжентъ только лѣтомъ 1865 года былъ отнятъ эмиромъ отъ Кокана которому онъ принадлежалъ прежде. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время Ходжентъ былъ бухарскій городъ; тамъ были бухарскія войска; и такъ, наши взяли уже бухарскій городъ. Затѣмъ на дорогѣ лежала сильная крѣпость Ура-тюбэ, а тамъ и Дзакъ. Все это теперь въ русскихъ рукахъ, но тогда бухарцы желали сохранить все это за собой. Они и хотѣли отпустить насъ, и боялись,—видна была какая-то нерѣшительность. Насъ спли объяснить, почему взятъ Ходжентъ. Отвѣтъ былъ очень простъ: оставя семь мѣсяцевъ Ташкентъ

и не получая съ тѣхъ поръ оттуда никакихъ извѣстій, мы не беремъ на себя права дѣлать какія бы то ни было объясненія относительно дѣйствій нашихъ властей; но думаемъ, что пока мы не будемъ освобождены, до тѣхъ поръ наши войска будутъ двигаться впередъ.

Намъ предложили написать письмо къ военному губернатору и просить его остановиться, пояснивъ при этомъ, что насъ отпустятъ, лишь только узнаютъ, что русскія войска поворачиваютъ назадъ.

Писать было безполезно. Могли ли имѣть какую-нибудь силу наши письма, когда срокъ нашего отъѣзда, назначенный въ посланномъ изъ Самарканда послѣ ирджарскаго пораженія письмѣ, давно уже прошелъ? Можно ли было быть увѣреннымъ, что письмо дойдетъ, когда мы знали навѣрно, что ни одно изъ прежнихъ писемъ нашихъ не было отправлено. Если бы дозволили ѣхать кому-нибудь изъ насъ, тогда не нужно было бы и письма.

Послѣ разныхъ толковъ, разсужденій и, вѣроятно, послѣ разрѣшенія отъ эмира, опредѣлено было отправить письмо съ однимъ изъ офицеровъ. Долго и на это не соглашались, предлагая отправить киргиза или казака и кое-какъ рѣшились выпустить офицера. Вмѣстѣ съ Г. отправились пріѣхавшіе изъ отряда джигиты и старикъ бухарецъ, выбранный бекомъ.

Черезъ три дня мы должны были получить отвѣтъ;

но три дня прошли — никто не ѣдетъ; на четвертый мы безпрестанно ходимъ на передній дворъ узнавать, нѣтъ ли вѣстей,—все по-старому, никто не пріѣзжаетъ. Только къ вечеру прибылъ курьеръ, посланный съ дороги старикомъ бухарцемъ, съ депешами къ беку и къ эмиру; старикъ захворалъ и, чтобъ не задерживать депеши, послалъ ихъ впередъ. Г. остался въ отрядѣ. Дзакскій бекъ былъ разсерженъ совершенно неумѣстною болѣзнью и собирался зарѣзать старика, когда онъ прибудетъ, полагая, что кто неспособенъ нести ханскую службу, тотъ не долженъ и жить. Мудрая философія! Между тѣмъ навстрѣчу старику были посланы люди и свѣжія лошади и были также выставлены лошади по дорогѣ въ Самаркандъ. Свѣжія лошади придали больному старику свѣжія силы: на другой день по пріѣздѣ курьера, около полудня, онъ пріѣхалъ въ Дзакъ, прямо къ беку, который его не зарѣзалъ, потому ли, что не имѣлъ при себѣ ножа, или потому, что обрадованъ былъ его пріѣздомъ, а вѣрнѣе потому, что этого же старика нужно было отправить къ эмиру съ словеснымъ донесеніемъ о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ русскомъ отрядѣ.

Бекъ, отпустивъ старику собственноручно нѣсколько ударовъ палкой, послалъ къ намъ. Радостное извѣстіе о пріѣздѣ старика сообщили намъ въ саду; но, прибѣжавъ на передній дворъ, мы увидѣли его садившимся на лошадь. Онъ приходилъ къ намъ, чтобъ

передать нѣсколько посланныхъ изъ отряда сигаръ, выпилъ чашку воды и поскакалъ въ Самаркандъ. На слѣдующій день вечеромъ онъ уже вернулся и былъ снова въ Дзакѣ, проскакавъ въ 5 или 6 дней до 600 верстъ. Старикъ привезъ намъ давно ожидаемое разрѣшеніе выѣхать и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо, на татарскомъ языкѣ, отъ нашего сотоварища по плѣну Г. Письмо, разумѣется, было показано эмиру, иначе, зачѣмъ бы его и возить въ Самаркандъ. Если старикъ не позабылъ передать сигары, то не позабылъ бы передать и письма.

Рѣшено было отправиться намъ на Чиназъ. Почему-то не хотѣли, чтобы мы ѣхали на Ура-тюбэ, Нау и Ходжентъ, хотя послѣдняя дорога представляетъ гораздо болѣе удобствъ, проходя населенными мѣстами и встрѣчая часто источники. Путь до Чиназа этихъ удобствъ не представлялъ; за то мы имѣли въ виду скорѣе достигнуть до Ташкента,

Съ нами отправился для могущихъ встрѣтиться переговоровъ нашъ хозяинъ, котораго по этому случаю потребовалъ къ себѣ бекъ. За нимъ была остановка; пока бекъ писалъ депеши, пока нашъ спутникъ собирался, прошло нѣсколько часовъ, такъ что когда мы поѣхали было уже поздно. Намъ дозволялось взять наше оружіе; но такъ какъ это дозволеніе послѣдовало тогда, когда мы уже тронулись, то и рѣшено было остановиться на Ушь-тюбэ, развязать тамъ тюкъ и ра-

зобрать оружіе. Въ Дзакѣ мы налили привезенные изъ Самарканда мѣшки водою и взяли арбу или двѣ клевера.

На улицѣ, не смотря на то, что было поздно, собрался народъ, чтобъ убѣдиться самимъ въ нашемъ отъѣздѣ, въ которомъ они видѣли свое спасеніе. Чтобы судить о расположеніи ихъ, мы спросили огня для раскурки нашихъ сигаръ. Всѣ побѣжали, засуетились и мигомъ принесли зажженную свѣчку. Намъ говорили остроумно: «Если мы васъ еще задержимъ, то ваши войска навѣрно придутъ къ намъ; если же отпустимъ, то, можетъ быть, и не придутъ; итакъ, лучше отпустимъ.»

Въ Самаркандѣ, передъ нашимъ отъѣздомъ, намъ сказали, что и не было предположенія насъ когда-нибудь выпустить въ Россію, и только ирджарская битва рѣшила дѣло въ нашу пользу и вырвала насъ изъ рукъ азіятскаго деспота.

Что предполагалось съ нами дѣлать — не извѣстно; да, вѣроятно, и самъ эмиръ не рѣшилъ этого вопроса. Видно только, что, имѣя въ виду удерживать насъ въ своихъ владѣніяхъ, эмиру не приходило въ голову, чтобы онъ могъ быть такъ сильно разбитъ нашими войсками, численность которыхъ весьма ничтожна сравнительно съ его силами.

На Ушь-тобэ мы остановились на арыкѣ. Ночь [illegible]; но огонь, разложенный въ нѣсколькихъ

мѣстахъ, давалъ намъ возможность кое-что видѣть. Мы разобрали оружіе. Патроны у насъ не были отобраны; поэтому мы зарядили ружья и револьверы и въ полночь пошли далѣе.

Дзакскій чиновникъ, сидѣвшій у насъ во дворѣ, провожалъ насъ; съ нимъ ѣхали три человѣка, прислуживавшіе намъ въ Дзакѣ. Въ числѣ этой свиты находился арабъ. При какихъ обстоятельствахъ, когда и какъ прибыли арабы въ Бухарію — осталось для насъ неизвѣстнымъ. Но мы слышали, что въ Бухаріи многія деревни населены арабами.

Съ Ушь-тюбэ послали двухъ киргизовъ въ Чиназъ предупредить тамъ о нашемъ пріѣздѣ; сами же пошли тихонько, не убѣгая отъ арбъ, и только днемъ достигли Мурза-раббатъ. Подъ сводами этихъ развалинъ было всѣмъ намъ мѣсто: и люди, и лошади могли укрыться отъ солнца.

Къ вечеру мы тронулись далѣе; это былъ послѣдній нашъ переходъ. Къ Сыръ-Дарьѣ, противъ Чиназа, подошли рано утромъ и только достигли берега, какъ солнце стало появляться на горизонтѣ. Небо загорѣлось яркими огнями, освѣтились мелкія облака, чудные цвѣта быстро мѣнялись: одни исчезали, другіе являлись. На горизонтѣ показался край солнца, оно поднималось выше и выше, — становилось утро. Еще нѣсколько моментовъ и солнце поднялось; все освѣтилось блестящими лучами, — насталъ день. Въ воздухѣ было тихо.

Широкая Сыръ-Дарья быстро текла передъ нами. За рѣкой виднѣлись чиназскіе сады, а правѣе и дальше виднѣлись горы. Картина была очаровательная. Воздухомъ мы не могли надышаться,—такъ мы отвыкли отъ чистой, не зараженной міазмами, атмосферы.

Парома не было видно. Сообщеніе между Чиназомъ и Дзакомъ давно уже прервано; поэтому и проводники наши не знали, гдѣ мы найдемъ переправу. Поискали внизъ по рѣкѣ, — переправы не оказалось; послали людей вверхъ и сами поѣхали за ними же. Вскорѣ, за поворотомъ рѣки, показалась мачта баржи, а тамъ и труба парохода. Въ пяти или шести верстахъ мы нашли въ землянкахъ нашихъ солдатъ. Здѣсь строилось предмостное укрѣпленіе Чиназа. Нечего и говорить, какъ велика была наша радость встрѣтить нашихъ дорогихъ земляковъ!

Вернуться изъ дальняго путешествія, какъ бы оно занимательно ни было, вернуться домой, услышать звуки роднаго языка, который нѣмцы такъ типично называютъ *Muttersprache*, — весьма отрадно: не бросить дикую страну, знать, что жизнь наша не зависитъ отъ произвола правителя-деспота, получить свободу, которая чуть ли не дороже жизни, — это такое благо, которое нужно испытать, чтобы вполнѣ обнять и понять его.

Какъ всегда бываетъ послѣ продолжительной разлуки, встрѣтившіеся вспоминаютъ о томъ, что было

до разлуки. Хотя мы въ предмостномъ укрѣпленіи не нашли никого изъ знакомыхъ; но всѣ русскіе были намъ дороги, и разспросамъ не было конца. Пока готовили паромы и баржи для нашей переправы, прошло много времени, и часамъ къ десяти мы прибыли въ новый Чиназъ, также строющійся. Людей, лошадей и багажъ переправили послѣ полудня.

Новый Чиназъ заложенъ въ пяти верстахъ отъ стараго, при впаденіи Чирчика въ Сыръ-Дарью. Эта новая крѣпость будетъ, вѣроятно, и грозна, и красиво выстроена; но землянки не давали еще права дѣлать какія-либо заключенія о ея неприступности и изяществѣ. Нужно желать, чтобы новый Чиназъ, по примѣру стараго, былъ обсаженъ садами. Сады въ Средней Азіи составляютъ не прихоть — они необходимы, давая прохладу и предохраняя отъ болѣзней, которыя, при солнечномъ жарѣ и сухомъ воздухѣ, неизбѣжны.

Въ новомъ Чиназѣ воды много: съ одной стороны Чирчикъ, съ другой — Сыръ-Дарья. Стоитъ только провести арыкъ (водопроводъ) изъ Чирчика, и все будетъ расти прекрасно. Фруктовыя и строевыя деревья, между ними овощи, — все это необходимо для жизни. Азіятцы все это имѣютъ въ своихъ садахъ, въ которые часто пускается вода, наполняя выкопанные въ садахъ бассейны, необходимые и для поливки, и для того, чтобы придать влажность воздуху. Фрукты идутъ частію въ пищу, а частію продаются. Нѣкото-

рые сады. отъ продажи фруктовъ, приносятъ большой доходъ. Строевыя деревья, произрастающія въ садахъ, по преимуществу, тополь, тальникъ и тутъ. При неприхотливой постройкѣ азіятскихъ домовъ, садовыя деревья вполнѣ достаточны для того, чтобы произвести необходимыя поправки въ домахъ. Отопленія туземцы не знаютъ; только болѣе состоятельные люди ставятъ въ свои комнаты, въ большіе холода, жаровни, наполненныя углемъ. Приготовленіе же пищи производится на кизекѣ, или на привозимомъ изъ окрестностей кустарникѣ. Въ Чиназѣ дрова уже и теперь дороги; а пароходная пристань и русское населеніе потребуютъ много топлива.

Въ тотъ же день къ вечеру мы выѣхали изъ Чиназа и утромъ 2-го іюня были въ Ташкентѣ.

Заключеніе.

—

День 1-го іюня 1866 года останется навсегда памятнымъ для всѣхъ насъ, пробывшихъ семь мѣсяцевъ и десять дней въ бухарскихъ предѣлахъ.

Время, проведенное въ Бухаріи, можно считать вычеркнутымъ изъ жизни. Къ счастію нашему, мы не видѣли всей опасности нашего положенія: убѣжденные въ силѣ и могуществѣ Россіи, превосходствѣ нашихъ войскъ передъ бухарскими, мы знали, что рано или поздно будемъ освобождены. Иногда мысль, что это освобожденіе будетъ не рано, а поздно, тяжело давила насъ. Пребываніе въ Бухаріи можно сравнить съ летаргическимъ сномъ, когда человѣкъ слышитъ и сознаетъ все, что происходитъ кругомъ него, и не имѣетъ силъ успокоить тѣхъ, которые считаютъ его умершимъ. Въ такомъ положеніи были и мы.

До насъ дошла вѣсть, что въ Ташкентѣ распространился слухъ о нашей казни; мы понимали, что это извѣстіе разойдется по всей Россіи; мы знали, что наши родные и друзья,— люди, дорогіе намъ, — тре-

вожатся о нашей участи, и не имѣли никакой возможности успокоить ихъ. Правда, мы писали нѣсколько писемъ,—писемъ самаго невиннаго содержанія,—но не были убѣждены, дойдутъ ли эти письма; впослѣдствіи мы узнали, что ни одно изъ нихъ не было отправлено. Гробъ съ умершимъ казакомъ былъ посланъ въ Ташкентъ; съ этимъ курьеромъ мы отправили записку, думая, что трусливые мусульмане не посмѣютъ вскрыть крышку гроба и осмотрѣть нашего курьера. Но мы и тутъ ошиблись. Если мы захотѣли хитрить, то бухарцы оказались хитрѣе насъ.

Ожидая сперва со дня на день, такъ сказать, съ часу на часъ своего отъѣзда; потомъ, послѣ происшествія въ Бухарѣ, едва не превратившагося въ варѳоломеевскую ночь, мы стали ждать крупныхъ событій, которыя могли бы вырвать насъ изъ владѣній эмира.

Наконецъ, узнаемъ объ ирджарскомъ дѣлѣ, прогремѣвшемъ по всей Азіи,—намъ объявляютъ отъѣздъ; кажется, нельзя въ немъ сомнѣваться; заставляютъ писать письмо, и опять срокъ нашего отъѣзда проходитъ, а мы не ѣдемъ. Недоразумѣнія прошли; пріѣзжаемъ въ Дзакъ, — новая задержка, новая торговля. Правда, требованія стали гораздо скромнѣе. Сперва эмиръ желалъ, чтобы Сыръ-Дарья была границей между русскими и бухарскими владѣніями; потомъ онъ попробовалъ спросить, не отдадутъ ли взамѣнъ насъ всѣ мусульманскія земли до рѣкъ Иртыша и Урала, но, увидя,

что сильно хватилъ, сталъ сбавлять на Ташкентъ или на другой какой городъ въ Туркестанской области. Наконецъ, собравъ всѣ свои силы, думалъ попробовать взять что-нибудь силою оружія. Планъ его заключался въ томъ, что, имѣя насъ въ залогѣ, онъ предполагалъ, въ случаѣ неуспѣха, избавиться отъ дальнѣйшаго пораженія высылкой насъ. Поэтому онъ такъ неохотно разставался съ нами, прощаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ послѣдней надеждой, отъ которой зависѣли завѣтныя мечты его. Отправляя насъ онъ разсчитывалъ, что, можетъ быть, хоть этимъ сохранитъ цѣлость своихъ владѣній. Эмиръ ошибся. Потерявъ Ура-тюбэ и Дзакъ, онъ потерялъ всю долину Сыръ-Дарьи и вліяніе на кочующихъ тамъ киргизовъ.

Подвигаясь постепенно изъ Семипалатинска и изъ Оренбурга на югъ, подчинивъ Россіи всѣхъ киргизовъ наши укрѣпленія глубоко проникли въ Азію. Съ одной стороны, линія укрѣпленій и пикетовъ уперлась въ снѣжный Тянъ-Шянъ; съ другой — дошла до Сыръ-Дарьи и повернула вверхъ по теченію этой рѣки. Оставалось незанятое пространство, незамкнутая линія. Нужно было соединить сибирскія укрѣпленія съ оренбургскими. Посланы были для этого дѣла два отряда, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ востока и съ запада. Взяли Аулье-ата, Чемкентъ и Туркестанъ и составили новококанскую линію. Необходимо нужно было взять затѣмъ Ташкентъ; а взявши Ташкентъ, ста-

новилось также необходимымъ идти за Чирчикъ и взять такъ называемую за-чирчикскую область до хребта горъ, за которымъ течетъ Сыръ-Дарья, по плодоносной ферганской долинѣ. Такъ составилась Туркестанская область, раскинувшаяся широко отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-Куль и глубоко врѣзавшаяся въ коканскія и бухарскія владѣнія. Теперь, упрочивъ нашу власть, мы будемъ вліять на всю Среднюю Азію и заставимъ тѣмъ Бухарію и Коканъ исполнять всѣ наши требованія, которыя должны заключаться въ томъ, чтобы торговля шла правильнымъ путемъ, чтобы русскіе торговцы не были стѣсняемы въ торговлѣ, чтобы жизнь и имущество ихъ были неприкосновенны, и проч. Сдѣлать это теперь легко, и за неисполненіе нашихъ требованій наши азіятскіе сосѣди всегда могутъ быть наказаны.

Нужно желать, чтобы обстоятельства не требовали новаго расширенія нашихъ границъ, что́ повлечетъ за собою большіе расходы на созданіе новой администраціи и на содержаніе значительнаго числа войскъ.

Нужно желать, чтобы была извлечена выгода изъ нашихъ пріобрѣтеній, и чтобы доходы съ новой области и барыши отъ оживленія торговли и отъ сбыта нашихъ товаровъ покрывали расходы на управленіе и содержаніе войска.

Не берусь предрѣшать, что будетъ; но не могу не высказать того, чего желаю.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Путешествіе изъ Оренбурга до Ташкента 1

Приготовленіе къ поѣздкѣ. — Отъ Ташкента до Чиназа.—Чиназъ.— Безводная степь. — Дзакъ 10

Отъ Дзака до Бухары 18

Въѣздъ въ Бухару. — Представленіе эмиру 24

Пребываніе въ Бухарѣ 31

Переѣздъ въ Самаркандъ. — Тюрьма. — Переговоры. — Новое помѣщеніе. — Бухарскіе сановники 60

Отъѣздъ эмира въ армію. — Строгій надзоръ. — Разные слухи. — Наблюденія надъ горлицами. — Мальчикъ, сынъ бека. — Плѣнные. — Слухи. — Пасха. — Мусульманскій праздникъ. . . . 78

Новый періодъ. — Карты. — Сцена съ журавлями. — Пріѣзжій отъ эмира. — Разсказъ объ иржарскомъ дѣлѣ. — Страхъ бухарцевъ. — Собаки 93

Пріятное извѣстіе. — Каратаевъ. — Бекъ-джанъ. — Гнѣвъ эмира.— Порученія. — Подарки. — Представленіе эмиру. — Выѣздъ изъ Самарканда 102

Обратное путешествіе до Дзака. — Непредвидѣнная остановка. — Возвращеніе 119

Заключеніе 133